

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

1.1 КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Социологические исследования раскрывают социальные, исторические и культурные темы в проблеме и не оставляют шансов на однозначную редукцию категорий пространства и времени к какой-то одной их форме. Этим отчасти преодолевается имевшаяся в прошлом определенная ограниченность рассмотрения времени и пространства в рамках натурфилософской или природной онтологии.

☞ Мир обретает пространственное и временное измерение по мере становления личности. Дж. Беркли указывал на однотипность процессов становления языка и пространственного восприятия. Жизненное пространство есть пространство включенности личности в мир, социум, ближайшее окружение, семью, социальную группу, организацию.

Сегодня категории пространства и времени занимают важнейшее место в концептуальном аппарате современной социологии, а до того момента, когда социология оформилась как самостоятельная наука, они функционировали в качестве центральных понятий естественных наук и философии на всех этапах культурной эволюции. Но именно в этот период происходило накопление социальных элементов и эпистем в интерпретационной структуре данных понятий.

Обживаемое нами пространство и нагружаемое нами время несут признаки конструирующей деятельности, целей социальных и политических стратегий, несут в своей архитектонике некие важные для социального субъекта жизненные смыслы. Автострады соединяют поселки, промысловые области, места для отдыха в соответствии с поставленными задачами наших действий в этом пространстве и отображают пространственный способ мышления, обусловленность пространства жизненным стилем, культурой, эпохой.

Время тоже связано не только с возрастом и жизнью, но и эволюцией культур, цивилизаций, переживаниями экзистенциальных и глобальных событий. Незрелость первобытной культуры не давала основания для различия как в формах пространства, так и модусах времени, сегодня же признаком эволюции идей пространства и времени является основанное на научном знании более смелое обращение с этими категориями культуры, сохранение, освобождение и одновременно более тонкое проникновение в многообразие и полифонию пространственных и временных форм, в том числе в экзистенциальные формы субъекта и художественной культуры.

Обогащение культурологии и философской онтологии произошло путем реализации *дополнительности* данных науки и искусства. Общекультурные и философские основания проектов пространства и времени раскрывают их статус как атрибутов бытия, типологию и мультикультурализм в многообразии форм существования. Возможности

инверсии времени и необратимости *стрелы времени*, социальное конструирование пространства напротив, дают неожиданную новизну в понимании времени как характеристики искусства.

Интеграция пространства и времени в понятии социального хронотопа более адекватный проект, он маркирует события социальной жизни как в глобальном, так и локальном масштабах. При этом значимость и разработанность темпорального, временного аспекта хронотопа оказывается в имеющейся литературе неизмеримо богаче, нежели спациональная, то есть пространственная его составляющая. Хочется надеяться, что такое неравенство не продиктовано историей культуры, но это заставляет прежде внимательно рассмотреть эволюцию темпорализма, то есть системы научных и повседневных представлений о времени - в качестве образца для представленности в нашем сознании и чувствах социальных форматов пространства.

С 60-х годов прошлого века, в период оттепели, в отечественную литературу хлынули переводы, оригиналы зарубежных темпоралистов, российским ученым был презентован подход к разноплановости феномена времени Дж. Уитроу и Дж. Фрэзера. Научный мир России продуцировал талантливые статьи, монографии, выступления на симпозиумах и конференциях. Фундаментально анализируется время самых различных сфер реальности, проводится концепция многообразия форм времени: Я.Ф. Аскин, О. Н. Ежов, В. А. Канке, А. М. Мостепаненко, В.П. Яковлев, В. Н. Ярская.

Культурно-историческая концептуализация времени и пространства

Культура структурирует время и пространство, формы проектов этих категорий общи с духовной культурой эпохи. Культурно-исторический подход анализирует эволюцию осознания и пространства, и времени в развитии культуры, имея самое непосредственное значение для построения общей теории пространства и времени. Ведь стремление к оформлению целостной концепции предполагает систематизацию довольно большого спектра исследований, раскрывающих пространство и время объективно-реального, природного и общественного бытия, психические свойства пространства и времени субъекта, эстетическую рефлексию времени. Только так можно передать множественность ипостасей этих категорий, так как сложнейший спектр форм пространства и времени обусловлен культурой и социальными практиками.

⊕ Культурно-историческая интерпретация позволяет включить необходимые регулятивы построения социологической теории пространства и времени, предполагая их нравственно-эстетическую рефлексию. Научный подход исходит из необходимости смотреть на каждое явление с точки зрения того, как оно возникло в истории социума, какие типы культур сопровождало. Временная и пространственная регуляция социальных практик образует систему семиотических структур в различных сферах культуры.

Даже беглый взгляд на множество вариантов рефлексии пространства и времени обнаруживает их обязательное разнообразие, в том числе в рамках одной философской школы. Интерпретация этих форм оказывается зависимой от характера культуры, авторской интерпретации, вкуса и предпочтений. Концепции пространства и времени персональны, как сами философские системы и типы философствования, хотя в конечных выводах школ и направлений индивидуальные различия стираются, становятся несущественными.

Если попытаться вписать категории пространства и времени в способ деятельности, то развитие способности к его осознанию попадает в живую ткань человеческого единства с природой и обществом, развития творческих сил и способности личности. Культура - не только продукт и условие человеческой деятельности и общественного развития, но и форма накопления и трансформирования ценностей, идеалов, реализации свободы и творчества, выработанный обществом инструмент приобщения, социализации личности, средство удовлетворения потребностей. Нельзя игнорировать и технологический аспект в определении культуры, подчеркивающий ее содержание как способ деятельности, механизмы, нормы, образцы этой деятельности, поведения, общения. Хотя идея направленности времени и ориентация на будущее, понимание пространства социального неравенства возникли в культуре значительно позже.

Особую важность приобретает анализ пространственно-временной структуры на разных этапах истории общества, изучение механизмов ее изменения и развития как важного аспекта динамики социально организованной материи, что своеобразно проявляется в индивидуальной жизни людей. Представления о конфликте, кризисе поколений, вытеснили в объяснительной схеме движения цивилизаций классовую борьбу. Универсальность человеческого развития образует действительную меру его культуры и проявляется в степени превращения природных и социальных условий в условия существования субъекта истории, социального пространства и времени, исторического хронотопа.

В концепциях пространства и времени воплощается рефлексия эпохи и деятельности, интерпретация сложившейся культуры, ритмы социальных трансформаций и эффективность прогностического сознания. Для такого подхода существенно понимание пространства и времени как форм существования, а не в виде отдельной, абсолютной субстанции. Возникновение и развитие философии становится важным фундаментом исследования первоначального происхождения идей пространства и времени, которые затем дополняются более поздней их концептуализацией в науке, социальных практиках. Историко-генетическая реконструкция этих категорий как универсальных форм культуры сможет отменить одномерную и тощую абстракцию физического времени, претендующую на исчерпывающе полное объяснение реальности. Жизнь, история, эволюция культуры - все это опровергает истинность физикалистской абстракции бытия.

Время и пространство мифа

В эпоху мифологического времени первопредками, культурными героями было создано пространственное состояние мира - рельеф, небесные светила, животные и растения, образцы социального поведения и его санкции. Различны формы времени в сакральном мире, сновидениях, золотом веке прошлого. Первоначальные размышления человека о природе вещей носят космогонический характер, историческому сознанию того периода свойственно статическое миропонимание, и первая дефиниция времени носит сугубо оценочный характер: счастливое и несчастливое время, это время первопредметов, перводействий. Кроме того, пространство и время мифа — сфера первопричин последующих эмпирических событий, оно объясняет устройство мира через то, как он творился, историческое профанное время проецируется в мифологическое время, к однократным актам творения, которые являются причинами и архетипами нынешних событий.

Длительность процессов и стрела времени не осознавались человеком, первобытный презентизм сочетался с наивно-статическим подходом ко времени, в определенном смысле даже с его устранением. Термин презентизм увязывается именно с наивно-бессознательной элиминацией, то есть уничтожением исторического времени. В таком мировосприятии отдельные части реальности не дифференцированы по модусам времени и не нуждаются в их предсказании. В первобытном сознании большее значение имело постоянство, а не изменчивость, даже последующее представление древних о циклическом вращении времени по кругу идет от связи с первобытным презентизмом.

На ранних стадиях общественного развития ритмы социальных процессов были замедленными. Родоплеменные общества и пришедшие им на смену первые цивилизации древнего мира воспроизводили на протяжении многих столетий существующие социальные отношения. Социальное время в этих обществах носило квазициклический характер. Ориентиром социальных практик было повторение накопленного опыта, воспроизводство действий и поступков, которые выступали в форме священных традиций. Отсюда особая ценность прошлого времени в жизнедеятельности традиционных обществ, древнее означало хорошее, доброе. Человек древнейших цивилизаций жил, как бы оглядываясь в прошлое, которое представлялось ему золотым веком. Хотя первобытные люди постоянно сталкиваются со смертью, убеждены в ее неизбежности, их презентивное существование представляется как одновременное сосуществование с царством мертвых.

Отсутствие представления о векторе времени не способствовало осознанию предвидения и соединению его с модусами времени, ограничивая эту функцию сознания рамками эмоциональных предчувствий, воображением, интуицией и бессознательными антиципациями. Имело место филогенетическое и социокультурное обучение временным представлениям, времени возраста. Будни были

временем активной жизни, а календарный год расписан в чередовании будни — праздники.

В хеттских ритуалах наряду с двоичным сопоставлением мирской — военной (правой, внешней) функции и сакральной (левой, внутренней) функции представлены сезонные ритуалы, хетты делили год на четыре сезона по типам сельскохозяйственной деятельности. Совершая поездки по стране — модели Вселенной, отождествлявшейся с плотью правителя, царь воспроизводил космическое рождение нового сезона, выступая в функции Солнца. Это не означало время как самостоятельное свойство бытия, преодоление наивно-бессознательного уровня в мироощущении. Отдельные части реальности не дифференцировались по модусам времени в силу цикличности времени, миф выступал интертемпоральной структурой, что давало возможность пересматривать каноны прошлого вслед за изменением социокультурной метрики настоящего.

В условиях крайней замедленности социальных изменений будущее полностью повторяет настоящее, предопределяется. Сознание сосредоточено в индивидуальной рефлексии, переход к социальному самосознанию едва намечается, прогностическая функция сознания остается на психологическом, бытовом уровне, содействуя формированию житейских правил, необходимых для удовлетворения непосредственных потребностей.

События мифической эпохи, приключения мифических героев воспроизводятся в ритуалах и снах, мифическое прошлое фактически экстемпорально и представляет некую мистическую реальность, сосуществующую с обыденной жизнью. Преодоление реальных оппозиций происходит в компонентах культового комплекса, для чего служат категории ритуального времени и производства. Отдельные пророчества, гадания как элементы связи с будущим не выходили за пределы конкретно-чувственных образов, переживаний предполагаемых событий.

Достаточно емким индикатором оказывается отношение этнического сознания к категории времени. Во многих случаях племенное сознание ослаблялось, если в племени еще не выработалось этногоническое предание, хотя миф о происхождении от единого предка имелся у рода и, реже - у фратрии. Племенное единство воспринималось лишь как единство в настоящем времени, не имеющее ни прошлого, ни будущего, что облегчало инкорпорацию в племя представителей другой культуры. События прошлого, настоящего и будущего сосуществуют, модусы времени не дифференцируются, не сознаются, не оцениваются. Важнейшая для мифологии идея превращения хаоса в космос интуитивно содержала идеи необратимости бытия, не связывая это со временем.

Первым принципом определения социальной иерархии в первобытном обществе был возраст, возрастные различия людей имели решающее значение для формирующейся системы разделения труда. Вместе с тем био- и социовозрастную ступень выражала система возрастного символизма. Достижение совершеннолетия было событием, имевшим важное общественное значение: появлялся новый взрослый член трудового

коллектива и продолжатель рода¹. Традиционные культуры, примитивные народы почитали возраст и в качестве главного критерия при дележе добычи, распределении пищи.

Средняя продолжительность жизни людей в первобытном обществе колебалась в от 19 до 21 года, жизненный цикл человека в то время умещался в двух-трёх десятилетиях, отведённых на жизнь одного поколения. На заре цивилизации и ранних этапах культурного развития центральной фигурой был зрелый человек, он обладал жизненным опытом, знал окрестности, был объектом уважения в первобытной орде. Но с наступлением старости, когда организм уже отказывался служить, знания и умения оставались бесполезными, беспомощного старика бросали на произвол судьбы, поэтому первобытные общества были обществами без стариков. В Малороссии еще в XV¹¹¹ столетии практиковался обычай избавляться от стариков, их вывозили в зимнюю пору в глухое место и опускали в глубокий овраг, сажали на луб для того, чтобы не разбились и не задержались на скате. Когда этот обычай был запрещен, то стали прибегать к изолированию стариков в пустой хате, где они умирали от голода и холода. Со временем число старых людей в первобытном обществе стало возрастать, что во многом объясняется отказом от жестокого обычая.

Вырабатывались представления о параллельно существующем мире умерших: умерший соплеменник является во сне, связан с двойником, хотя ему не тождествен, в селениях мертвых ловят рыбу, бьют зверя, женятся, собирают урожай, сражаются и борются. Их общественная жизнь похожа на общественную жизнь племени, которое они покинули. В царстве духов человек встречает тотем, его родственников. Оба мира не связаны течением времени из прошлого в будущее, мифологическое время принципиально неисторично. В рамках мифологического подхода в наивной форме получает выражение статическая концепция времени, согласно которой становление объектов — это иллюзия, возникающая в момент осознания изменения. Термин презентизм оказывается увязанным с уровнем представлений о времени и степенью развития прогностического сознания и углубляет культурно-историческую интерпретацию статической концепции времени.

В формулировке этой концепции есть круги определения: события прошлого, настоящего и будущего существуют одновременно. Фактически это концепция атемпоральности, отрицание времени, в отличие от экстемпоральности, то есть вневременности. Структура мифологического темпорализма интересна тем, что она включает экстемпоральность сакрального бытия и атемпоральность реальности. В таком мировосприятии отдельные части реальности не дифференцированы по модусам времени и в силу этого не нуждаются в их предсказании.

---

¹ Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Докл. географического общества СССР. Л., 1970. Вып. 15. С. 155.

Хотя мифологические представления в сознании первобытного человека преобладали над точными знаниями и понятийным мышлением, человек руководствовался не только представлениями, но и знаниями о свойствах вещей, которые он приобрел. Чувство постоянной угрозы внеличных сил предопределяет возникновение особого культа прорицаний и предзнаменования. В этом синкретичном сознании для сакральной сферы намечается временная ориентация предсказаний, в частности ретросказания: так представлено мифологическое Время, под которым понимается идеальный период без смерти, болезней, табу. Пророческими способностями наделяются прежде всего боги, различные мифические существа (вэльва Эдды), а также избранные люди (Кассандра), обладающие даром проникновения, предчувствия, глубокого предвосхищения жизненных ситуаций.

Позднее выделяется оценочный момент в предсказании будущего и ретросказания в связи с отнесением грехопадения в библейской литературе к прошлому, а рая, тысячелетнего царства — к сфере предсказания будущего. Предвидение первобытного человека, ограниченное презентивной прогностикой, то есть ориентацией на настоящее, в практическом житейском русле обогащается дальнейшей эволюцией и разнообразием ориентации мифологического времени. Бессознательно действующая прогностическая функция архаического сознания связана с идеальным освоением мира, пока не категориально, а в чувственно-наглядной форме мировосприятия. Соответственно возникает иллюзорное предсказание о возможностях преодоления барьера между жизнью и смертью, землей и небом, некими фантастическими существами, свободно переходящими от сакрального к житейскому времени.

Насколько богато представление и осознание времени в дофилософском мышлении, когда само понятие времени охватывалось более психикой, нежели логикой, показывают исследования культуры древнего Вавилона. Там восприятие времени осуществлялось в прочной связи с потоком событий и цепью поколений как линейное, неоднородное; не только частное, психологическое время индивида, но и общественное время остается неоднородным, не поддающимся делению на равноценные единицы.

С развитием осознания времени происходит развитие предвидения, а затем и его концептуализация в общественном сознании. Известно, например, что отсутствие представления о векторе времени не способствовало осознанию предвидения и соединению его с модусами времени, ограничивая эту функцию осознания рамками эмоциональных предчувствий, воображением, интуицией и бессознательными антипатиями. Полезно вспомнить, что и в психическом онтогенезе ребенок овладевает языком на уровне допонятийного мышления и вначале не воспринимает упорядоченность прошлого, настоящего, будущего.

Мифы разных народов о богах связаны с сезонными циклами и демонстрируют миро- и время-восприятие. Регулярные ритмы в такой форме восприятия времени воплотились в искусстве орнамента, наиболее

древнем и распространенном виде изобразительного искусства. Аналогом циклического времени в музыкальном компоненте синкретического искусства выступал принцип остинантной повторности, который был исторически наиболее ранним способом музыкальной мысли благодаря своей способности обеспечивать единство художественного образа.

Мифомышление не в состоянии было справиться с задачами практики со своей превентивной прогностикой, экстемпоральным бытием и атемпоральным временем. Постепенно возникали зачатки позднейших верований и пророчеств, представление о цикличности, периодичности, коловращении бытия. В Индии и сейчас колесо считается символом времени, изобретением вечного движения, круговорота рождения и смерти. Когда отвлеченная мыслимость времени еще не выходила из рамок чувственного созерцания, время выступало в виде олицетворенного субстанциального начала и рассматривалось у большинства народов как причина рождения и смерти, как нечто управляющее всем мирозданием, причем мифологическое представление персонифицированного субстанциального времени еще долго продолжало господствовать в обыденном сознании.

Сторонники джайнизма проводили различие между абсолютным временем (кала), которое не имеет ни начала, ни конца, ни формы, и относительным временем (самая), имеющим начало, конец и подразделяющимся на более короткие и длинные промежутки. Кала при этом является субстанциальной причиной самайи. Относительное время устанавливается посредством изменений, модификаций вещей — в наивной форме проводится идея абсолютного и относительного времени. Персонификация времени господствовала в обыденном сознании и XX столетия, в художественных образах, интуитивистской концепции Бергсона и естественнонаучных гипотезах Козырева.

Каждый год мальчики и девочки традиционных обществ, достигшие определенного возраста, совместно со своими сверстниками проходят ритуал инициации. Этот ритуал символизирует окончание детства и наступление взрослой жизни и сопровождается многочисленными испытаниями. После инициации группе даётся название, она считается "рождённой" и сохраняется ещё 15 лет. Затем члены группы переходят в новый возраст, сохраняется единство возрастной группы на протяжении всего её сосуществования. Мужчины старшего разряда, если они доживают до 60-летнего возраста, с удовлетворением видят, что рождаются дети, которые в 15 лет будут посвящены в группу, носящую то же название, что и группа людей, приближающихся к смерти. Таким образом сохраняется преемственность поколений.

Не последнюю роль в осознании антиципаторной роли сознания играет оценка фактора времени и самой жизни с точки зрения ее временных параметров, в частности, в плане семиотической оппозиции его к пространству и значения для ориентировки в окружающем мире. Во многих развитых языках разница прошедшего, настоящего и будущего четко отражена в глаголах, т. е. идея времени как бы навязывается самим

языком. Взаимосвязь между социальными и природными процессами фиксируется уже на уровне экономической зависимости индивида как некий фактор времени, который в процессе развития трудовой деятельности и самого социума приобретает социальное значение.

Это хорошо видно в представлениях, связанных с системами древних календарей, особенно лунного, культурами плодородия и воспроизводства, где активность мира в биоморфном и социоморфном значении для древнего человека имеет темпоральное содержание, слита со временем, выражается в творческой функции порождения. Такая модель сдвоенных взаимно обратных миров полностью отвечает символической реальности, причем воплощает ее самым прямолинейным и натуралистичным способом: стороны символа - явление и смысл - получают друг из друга буквальным выворачиванием наизнанку.

Во многих языках значение «век» происходит из первоначального значения жизненная сила. Век понимается как время человеческой жизни, мы до сих пор употребляем его в данном значении: не долгий век, бабьей век, в кои-то веки. Латынь фиксирует это слово как термин культа, обозначая период, совпадающий с веком человека, рожденного во время основания города – Ромула. Его время жизни становится мифологическим временем с соответствующими церемониями и обрядами. Впоследствии из этой связи времени жизни с функционированием города родилось значение поколения и столетия. Так же развивались понятия возраста как рост, сила, расти, первоначальное значение рост в славянских и древнеиндийских языках идентично, восходит к индо-европейскому корню, обозначавшему с доведение детеныша до зрелого возраста.

Обратите внимание, как важны исследования, которые развивают подход ко времени с позиций эволюции культуры. Элементы мифологического темпорализма сохраняются и в более поздних культурах. Так, якутская мифология включает различные напластования, начиная с очень древних примитивных воззрений и кончая христианскими мотивами: якутские мифы берут мир как нечто от века пребывающее, не интересуясь его происхождением.

Непосредственно влияет на представления о времени процесс трудовой, измерительной деятельности. Это делает количественный аспект понятия времени ведущим, что прослеживается на всех этапах эволюции понятия времени. В древних системах возрастов можно найти зачатки конфликтов поколений - прежде всего смежных поколений, отцов и детей. Молодые отцы - воины, когда им приходит время уступить место следующей возрастной группе - детям, прошедшим инициацию, всячески сопротивляются этому, чувствуя себя достаточно энергичными и сильными, и в этой связи не испытывают никакого желания уступить своё место, которое является центральным в общественной жизни.

Мифопоэтическая модель мира отражала понимание пространства, отвечающее содержащейся в ней трактовке места человека в тотальной реальности. Пространство не предшествует вещам, его заполняющим, а конституируется ими, и существует в неразрывном единстве со временем.

Организованное совокупностью объектов мира культуры, оно конституируется через развертывание, реализацию некоего исходного принципа, выраженного в идее мирового яйца, и, в иной форме, мирового дерева, представляющего собой не только ось структуризации мира, но и его модель.

Деревня бороро походит на колесо тележки, в которой семейные дома служат ободом, тропинки к ним - спицами, а центральный мужской дом - ступицей... Поперечник деревни... делит население на две группы... Потеряв ориентировку по отношению к странам света, лишённые плана, который служит основой для их знаний, индейцы быстро теряют чувство традиций, словно их социальная и религиозная системы (мы увидим, что они нераздельны) слишком сложны для того, чтобы можно было обходиться без схемы, заложенной в плане деревни (*К. Леви-Стросс, Печальные тропики*).

Организация пространства, таким образом, выступает базовым условием социализации. При этом, как указывает А. Леруа-Гуран, если для земледельческих народов и городских культур свойственны представления о радиально организованном пространстве, то для бродячего охотника пространство - это линейный путь. Линейная форма организации мира зафиксирована композицией верхнепалеолитической наскальной живописи, находит отражение в мифах о культурных героях. Функция организации пространства отражена в многочисленных практиках магических обрядов, связанных с 1) операцией освоения центра, 2) обхода территории по периметру, 3) фиксацией ключевых точек осваиваемого пространства.

На святках девицы бросают свои башмаки (лапти) и потом присматриваются: в какую сторону упал башмак *носком* - в той стороне быть замужем... У лужичан девица, становясь посреди избы, бросает свой башмак через левое плечо к дверям, и если он *вылетит вон из комнаты* - то быть ей вскоре просватанной... На Руси мать завязывает дочери глаза, водит ее взад и вперед по избе и затем пускает идти, куда хочет. Если случай приведет девушку в *большой угол* или к *двери* - это служит знаком близкого замужества, а если к печке - то оставаться ей дома.

Особое место среди систем структуризации пространства, присущих городским цивилизациям, занимает символ, связанный с образом-планом идеального города. В городских культурах этот первообраз естественно играл роль базисного элемента всех систем структуризации. Структуризация выступает условием и становления игровой, шире, моделирующей деятельности. Игра обособляется от обыденной жизни местом действия, протекает внутри игрового пространства, где царит собственный, безусловный порядок. Значимость игровой практики проявляется и ее ролью в деструктуризации, классическим примером осуществления которой служат римские сатурналии, в эти дни допускались многие вольности; на время стирались различия между свободными и рабами, иногда их отношения даже выворачивались наизнанку.

Мифопоэтическая модель мира наиболее явственно демонстрирует: идею включенности человека в универсум, неразрывности микрокосма и макрокосма, выстраивание по оси сакральное - профанное, выделение наиболее значимых, космологизированных точек. Мир людей пронизан силовыми осями, прикасаясь к которым можно входить в контакт с иными мирами. Ось сакральное-профанное в целом задает миру общую структуру, по ней ориентируется и модель человеческого мира, в радиальной или линейной форме.

Древние общности характеризуются ограниченностью в пространстве, обращенностью вовнутрь, замкнутостью. *Архаические* социально-производственные общности обладали слитной целостностью и теснейшим внутренним единением всех составляющих индивидов. Община как целостность достигла высокой устойчивости за счет своей пространственно - временной ориентации на простое воспроизводство локально замкнутых социальных связей. Контекст освоения пространства определялся структурными бинарными оппозициями: жизнь-смерть, свое - чужое, профанное - сакральное.

Противопоставление между территорией обитания и незнакомым пространством, окружающим ее, восприятие незанятых земель как чужого хаотичного пространства - это характерная тенденция для традиционных обществ. В жестоком голодном мире, полном опасностей, дом, будь это даже жалкая лачуга, считается последним прибежищем, которое вросло в землю, передается из поколения в поколение и связывает человека с прошлым и природой.

Неподвижная суть дома являлась ценностью, осведомленность и способность скрыться были крайне важными условиями жизни. Человеку было важно использовать свою среду так, чтобы она обеспечивала ему возможность предупреждения об опасности, давала возможность легко скрыться. Тем не менее, *номадические* практики освоения носили характер разведывания чужого и обозначения, расширения своего пространства. Чужой мир для древнего человека являлся миром дикой природы, хаоса, неизвестности, но и порождал культуру; из знаний о нем рождались тотемы, образцы социального поведения, навыки, делающие человека социальным существом.

Функционально выделены из окружающей среды пространство непосредственного обитания (жилище и поселения), территория вокруг него, включающая особые зоны хозяйственных циклов. У племен, ведущих охотничье-собираТЕЛЬский образ жизни эти зоны образуются в зависимости от циклов восстановления лесных растений и животных в той экосистеме, в которую включено племя. С возникновением древних земледельческих обществ особое значение приобретают зоны плодородных земель.

Складывание мифопоэтической модели мира - длительный, сложный процесс, и вряд ли правомерно было бы выделять в нем последовательность этапов. Как можно судить по космогоническим мифам, представления о пространственно-временных параметрах

вселенной изначально опосредуются установлением каузальных и персонажных отношений.

Логика мифа вообще призвана, прежде всего, объяснять, задать генеральную схему миру. Это обоснование К. Леви-Строссом мифологических антиципаций имеет глубокий смысл не только в отношении понимания логики первобытного человека, но и для осмысления процессов социализации сегодня. Цивилизация – очень тонкий слой в коллективном сознании человечества, глубины которого определены десятками тысячелетий бытия первобытных охотников и земледельцев, жизнь которых была подчинена логике мифа, магическим практикам, стандартам традиционных культур.

Творящие мир боги, культурные герои, мифологизированные предки, тотемные существа приносят в упорядоченный мифом мир антропоморфные начала. Каузальные, телеологические взаимодействия сопряжены с этическими, эстетическими. Даже когда сверхъестественные силы равнодушны к человеку, чужды созданной им для себя морали, эта человеческая мораль все равно соотнесена с их существованием, хотя бы ограничением пределов своего применения.

Представления о количественной и семантической организации универсума глубоко архаичны, как полагал Юнг, число является осознанным *архетипом порядка*, образы целостности также имеют математическую структуру. Эти структуры не только выражают порядок, они создают его.

Вымышленный мир, в котором существуют герои мифов, кажется излишним, искаженным образом реальности, конгломерацией информационного шума, существование которой оправдано, может быть, только функцией сохранения целостности человеческого сознания, защитой от диссоциации – но именно этот мир выступает предшествующим миру культуры, вторичной природы, техногенной среды, создаваемой человечеством.

Семантические классификации строятся изначально в рамках бинарного кода, дополняемого затем иерархическими системами. Двоичная символическая классификация связана непосредственно с дуальной организацией племен, делением их на экзогамные половины, двусторонней системой символических, ритуальных, брачных, экономических отношений.

... выработали грандиозную космологию... поняли и осудили противоречия... допуская противопоставление лишь для того, чтобы отрицать его в пользу другого... превращая всю социальную и духовную жизнь в герб, где симметрия и асимметрия уравнивают друг друга (Леви-Стросс, *Печальные тропики*).

Операция оценивания многократно усложняется, становится основанной на все более глубокой дифференциации. Мир дикой природы, начинающийся за оградой деревни – мир зла, хаоса; оттуда приходит все разрушительное, губительное, туда уходят души умерших. Но этот же мир

порождает культуру, из него явлены тотемы, образцы социального поведения, навыки, делающие человека социальным существом. В наиболее архаических мифах духи, боги, культурные герои зооморфны, подчеркивается их принадлежность миру природы. Оперирование различными типами классификаций приводит к созданию концептуальных матриц, служащих своего рода программами построения аналогических цепочек. Таково значение системы первоэлементов, репрезентирующих целые классы явлений.

Анализ порядков систем универсальных классификаторов задает набор операторов, используемых в моделировании мира как целого и любых его частей. Такова и первоначальная тетрада операторов, описывающая, в ряду других (как космический цикл, сам процесс познания, развитие религиозных систем), и процесс социализации: рождение $\Rightarrow$ рост $\Rightarrow$ деградация $\Rightarrow$ смерть. Складывается матрица макроструктуры текста как модели реальности:

<p>перечисление последовательностей элементов</p>	<p>Значимость перечислений в поэтике мифологического мышления, в мирозерцании мифопоэтической эпохи точно выразил О. Мандельштам: <i>“Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочел до середины: Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, Что над Элладю когда-то поднялся”</i>.</p>
<p>пространственное местоположение</p>	<p>В сообщениях информаторов, отражающих топонимические представления, точно указываются названия рек, лесов, поселений: Соловецкий монастырь, Пронск, заонежские деревни.</p>
<p>временное соотношение</p>	<p>сообщение о призвании варягов на Русь за годом 6370, вписанное в этнополитический контекст эпохи (<i>Повесть временных лет</i>); датировки Григорием Турским событий библейской истории (<i>История франков.</i>); сведения о генеалогии правителей Британии, приводимые Гальфридом Монмутским (<i>История бриттов. Жизнь Мерлина</i>). Топография занимает огромное место в сознании скандинава. Первый вопрос, который задают новому человеку, - это его имя и место жительства. Упоминание в сагах о любом лице, персонаже сопровождалось сведениями о происхождении: чей сын и откуда родом, где расположены их усадьбы и как называются (<i>Всемирная история. Т. 7</i>).</p>

Текст как способ организации пространства, дополняется измерением. С рубежа третьего-второго тысячелетий до н.э. развитие геометрии,

астрономии и астрологии, нумерологии в древнейших речных цивилизациях не только становится важным этапом выделения десакрализирующегося научного знания из единой мифопоэтической системы миропонимания, но и создает образ дискретного пространства, это означает постижение личностью собственной дискретности.

Идея постоянства жизненного цикла подкреплялась тем, что мифологическое сознание не знало противоречий между новым и старым, рождением и смертью. Любые инновации воспринимались как повторение одних и тех же прообразов, архетипов, вечного круговорота. Однако ряд мифов уже содержал мысль о будущем, что создавало наряду с эволюцией языка и процедур измерительной деятельности дополнительные предпосылки для осознания и оценки пространства, времени, прогностики.

Общество развивалось от родового, патриархального к цивилизации, от раннеклассового общества века бронзы к античному способу производства, духовная культура — от переходных форм между предфилософией и мифологией к началу философии и дедуктивной науки. Осмысленный в мифологиях второго тысячелетия до н.э. глубочайший духовный кризис эпохи гибели ранних государственных образований накладывает свой отпечаток на современную культуру; к нему восходит антиурбанистическая традиция, в определенном смысле, и концепция естественного человека.

Пространство и время в античной и средневековой культуре

Античное общество предельно остро осознает противопоставленность природы и культуры. Идея полиса есть идея замкнутого островка в море хаоса, обитание на котором подчеркивает обособленность человека. Но параллельно с этим мироощущением развивается и другое, восходящее к представлению о космосе и человеке как неразрывной общности. Противоречием этих двух тенденций может быть истолкована почти вся духовная жизнь античного мира.

С момента образования средиземноморской империи альтернатива идеи замкнутого, ограниченного оборонительным лимесом пространства и романизируемого универсума противостоят друг другу. Человеческой цивилизации нужно было понимание пространства, подразумевающее направленность на его непрерывную аккультурацию.

Многообразие форм времени — объективного и субъективного, природного, общественного и личного — стало возможным, хотя пока лишь пунктирно, в преодолении мифомышления, в лоне культурно обусловленной рефлексии. Переход к обществу с преобладанием вещных, а не личностных отношений, становление товарных отношений, в которые включились земля, человек, монетной формы денег, торгового капитала, бурное развитие городов — все это совпало по времени с возникновением философии. Различные частные возможности выражения идеи времени оказались отражением общего стиля мышления, характерного для данного типа культуры. В разное время категории пространства и времени рассматривались как парные и равноправные, порой же одна из них

выдвигалась как главенствующая в том или ином контексте культуры. Готовился новый проект пространства и времени. Постепенно происходит перевод на язык категорий с трудом уловимой в строгих понятиях специфики культурно-исторической общности, характера производства, общественных отношений с особенностями сознания носителей данной общности. Наивные представления о будущем постепенно заменялись его художественным и научно-рациональным осмыслением. Гиппократ, к примеру, написал Прогностику, где обосновывает необходимость медицинских и других предсказаний. Античное сознание формирует прогностическую культуру устремления человека к осуществлению проектов и проникновения в мир будущего. Переход от мифотеогонических представлений к теоретическому мышлению означал замену фантастического, произвольного образа времени разумно-логическими идеями античного темпорализма, хотя и не сразу, не в один присест. Учение Пифагора о том, что все происходящее в мире снова повторяется через определенные промежутки времени и ничего нового не происходит, мало отличалось от предфилософской идеи презентивных циклов. Однако шаг за шагом идея времени от интуитивного, практического, мифологического уровня поднималась па уровень теории.

Можно сказать, что эволюция понятия времени в культурном развитии античности получила своим основанием идею вечного становления: уже у Гераклита будущее, приближаясь, становится настоящим, становление настоящего есть его удаление в прошлое. Точечное время раскручивается и становится развернутым кругом. История вступает как круговращение одних и тех же политических форм. От мифов, религиозных представлений и легенд осуществляется переход к рациональному, теоретическому исследованию событий, причем в этом переходе огромную роль сыграло реалистическое мироощущение греков. Своеобразие греческой мифологии состоит в ее относительно большей свободе духа, меньшей степени пронизанности духом мистицизма и спиритуализма по сравнению с восточной - китайской или исламской мифологией.

Античное описание времени, строго говоря, даже в философии не сводилось к циклическому времени Гераклита и пифагорейцев, ибо свою систематическую разработку получает у Аристотеля. Время вырывается из круга и векторизуется. Если у Платона время связано с образом вечности, представлением об инверсии в глобальных циклах, то у Аристотеля — с вечностью движения, перводвигателя. Да и сама цикличность времени беспокойна, она чревата становлением в точке настоящего. Вместе с тем время-мгновение, как и в буддизме, не отрицает его стратегических циклов. Таков огонь Гераклита, космологическое время в музыкальной гармонии пифагорейцев, столь схожее с идеями древнекитайской идеологии. У Геродота в формировании событий участвуют реальные факторы и предзнаменования, предсказания.

Развитие предвидения от эпохи к эпохе влияет на все слои прогностического сознания, в том числе обыденное. Отличаясь своим

неспециализированным, житейским, практическим характером, обыденное предвидение не входит в концептуально оформленную систему знания. Первые шаги философии — это вклад в оформление знания как системы, приближение к теоретическому предвидению и его осознанию. Недаром Платон, оглядываясь на великое прошлое своей родины, искал в нем идеалы и строил на их основе будущее общественного устройства, свободное от недугов его эпохи, его утопия была обусловлена культурным развитием Древней Греции и самим статусом философского обобщения, создавшим фундамент концептуального оформления и рефлектирующей оценки пространства, времени и предвидения.

Дальнейшее становление общественного самосознания, возникновение его научной и вненаучной ориентации приводит к дифференциации пространственных и темпоральных представлений общественного человека. Например, время связывается с другими понятиями онтологии. Интуитивная идея времени имплицитно включена в античное понимание развития как круговорота и соответствующей концепции циклического времени. Если фиксировать переход от мифологического времени к антично-философскому, то придется отметить связь времени с глобальными характеристиками бытия — жизнью и смертью, профанным и сакральным миром, бинарными отношениями.

Концептуализация времени реализуется через категории развития и становления, идея связи становления, развития и времени столь же древняя, как сама культура. Гераклит определяет время как телесную сущность, становление в смысле единства бытия и ничто. Огонь есть процесс, физическое время, это абсолютное беспокойство. В таком понимании времени оно заполнялось физическим содержанием, а точнее, даже с ним сливалось, отождествлялось.

Еще Гомер пытался показать летящее время, соединить модусы времени в историческом сознании, но полный перевод фантастически произвольного образа времени на логический язык понятия происходил постепенно. Торговля и политическая культура полиса, умозрительное объяснение космоса, приоритет городского стиля жизни с его импульсивностью, бурными событиями, формирование исторического самосознания, генезис государственности и цивилизации создали культурную основу для кристаллизации идеи становления. Наряду с осознанием природного и исторического времени, шел процесс его освоения и в литературе. Так, авантюрное время греческого или римского романа во II—IV веках н. э. лишено всякой природной и бытовой цикличности, которая внесла бы временной порядок в человеческие измерители и связала бы его с повторяющимися моментами природной и человеческой жизни. Об исторической локализации авантюрного времени не может быть и речи, оно есть лишь специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь. В греческой философии получает развитие идея вневременного существования, с распространенной среди греков точкой зрения, что подлинное знание возможно только о вечном и неизменном.

Важным фактом, доказывающим условность возрастных границ и периодизации жизненного цикла, является зависимость этой периодизации от свойственной каждой культуре символики чисел. Пифагор стремился найти аналогию между возрастными годами жизни и сменой времён года, которую можно увидеть в его классификации возрастов жизни. Он сравнивал детство и юность с весной, молодость - с летом, взрослого человека - с осенью, старость - с зимой, продолжительность каждого возраста составляла ровно 20 лет. Гиппократ при построении классификации возрастов жизни исходил из древней науки о переломных годах, в центре которой находилась идея цифрового символизма. Согласно этим представлениям каждые семь лет происходит коренная перестройка человеческого организма, опасная для здоровья и жизни человека. Гиппократ делил жизнь человека на десять периодов по семь лет каждый, его классификация оказала большое влияние на последующих мыслителей, даже в XVII веке делались попытки объяснить семилетний цикл следствием влияния Сатурна, и лишь в самом конце XVII века удалось отказаться от этого положения.

Представления Демокрита о пространстве приближаются к будущей механистической картине Нового времени. Время не связано с непосредственным существованием атомов, так как они вечны и неизменны, оно связано лишь с внешним движением атомов и их соединением в пространстве. Начало Вселенной — атомы и пустота, миров бесчисленное множество, они имеют начало и конец во времени. Другими словами, время Гераклита слитно с движением, а у Демокрита оно более независимо, связано с перемещением, а не с движением-становлением, то есть внешним бытием, а не внутренним существованием.

Сильное стремление греков к вечному связано с их необыкновенным чувством бренности всего живого. В период античности функционирует идея исторического времени: на историческую арену выступил индивидуум, свободный от общинно-родовых авторитетов, но связанный необходимостью, судьбой и роком, абстрактной всеобщностью нечеловеческих закономерностей вроде перехода одной стихии в другую или вроде тех или других движений небесного свода. Преодоление чувства бренности впоследствии шло исторически установлением классической аккуратности и ясности идеи времени, активным освоением времени творческим субъектом.

Преодоление ограниченности циклического темпорализма и первобытного презентизма происходило в развитии античной культуры и впоследствии в культуре средневековья. Некоторые исследователи сравнивают время Аристотеля с геометрическим образом прямой линии, а ограничение ее отрезком связывают с топологической эквивалентностью времени Апокалипсиса. Ограничение этой прямой начальной точкой соответствует геометрическим аналогиям времени Платона и Ветхого Завета.

Здесь, видимо, находят свое отрицание античные циклы Гераклита, а концепция времени (темпорализм) становится не только линейной, но и финалистской—особенно в рамках официального средневекового

мировоззрения. В зачатках идей мессианства, которые затем были переработаны христианством, предвидение приобретает форму пророчества, прорицаний. В антипode обыденного прогноза—пророческой литературе, религиозном провидении — идея будущего бытия выражала стремление к сверхчеловеческому, нереальному, но имела значение в эволюции представления о будущем, качественно отличном от настоящего.

Европейское средневековье усваивает сохраненную позднеантичным обществом традицию, совмещая ее с идущей от культур германо—кельтско—славянского мира. На поверхность оказались подняты пласты языческого мирозерцания, сохраненные в латентных формах и христианизированные римским обществом. Европейское средневековье (а по типу восприятия пространства Древняя Русь является его неотъемлемой частью) представляет собой принципиально важный этап в длительном процессе становления представлений общества о пространственных характеристиках универсума. На этом этапе идеальный образ, модель мира, оказывается самостоятельной сущностью.

Такое понимание в значительной мере диктуется свойственным средневековью восприятием пространства. Мир средневекового человека парадоксальным образом воплощает в себе реализацию обеих тенденций античного мироощущения. Это, с одной стороны, архипелаг крохотных поселений, затерянных в отданном во власть хаоса пространстве культуры. Хронисты этой эпохи повествуют о путешественниках, проезжающих через германские, не встретив за десять дней человеческого жилья.

Единственными транспортными артериями остаются реки, сухопутные дороги римской эпохи приходят в запустение. Города с населением, приближающимся к двадцати тысячам человек, считаются мегаполисами. Крестьянин из Нормандии, Польши, Ростовского княжества, может прожить век, не только не прикоснувшись к вещам, произведенным в Италии или Испании, но даже и не зная об их существовании.

Но, с другой стороны, отмечается чрезвычайная мобильность средневековых людей - паломников, купцов, школяров, крестоносцев, трубадуров, миссионеров. В высшем сословии девушки крайне редко вступают в брак иначе, как за сотни миль от родного дома; церковная иерархия дает удивительные примеры смешения представителей самых разных земель.

Здесь нужно видеть не только своеобразие социальной структуры средневекового общества с ее крайне жестким разграничением сословий, но и специфику присущего эпохе миропонимания. Вопрос стоит не только об отношении человека к миру, но и, прежде всего, об отношении к Богу.

Человек не включался в пространство как форму определенной системы отношений, а применял к нему априорную мерку, почерпнутую из мистического откровения. Кроме того, пространственные характеристики второстепенны, несущественны. Бог не просто бестелесен, он не локализован в пространстве. Но, поскольку это не означает и *разлитости* в мире, пространство *обезбожено*, оно не просто поле игрища адовых сил,

но и находится с божественным началом в разных измерениях. Можно говорить об утрате значимости освоения пространственных отношений в процессе социализации.

В мироощущении человека средневековья присутствовали и другие способы понимания пространственных структур, места личности в универсуме, пространственных характеристик становления личности. Появилась возможность углубить представления о дискретности пространства, новые подходы к моделированию его структур.

Для людей средневековья понятие возрастов жизни играли роль научных понятий, то есть понятие возраста для средневековых мыслителей было неотъемлемой категорией восприятия мира. Возрасты жизни трактовались как один из показателей таинственных связей человека в мире. Однако при столь внимательном отношении к возрастам жизни они очень часто путались, например, Средневековые художники изображали детей как миниатюрных взрослых, как уменьшенную в размерах копию взрослого, отличить которого можно по некоторым атрибутам одежды. В средневековье безразлично относились к биологическим факторам, в частности, половое созревание никто не принимал за окончание детства.

Как только ребенок мог обходиться без постоянной опеки своей матери, своей няни или без своей колыбельки, он принадлежал уже к обществу взрослых. Другими словами, в средневековье понимание человеческого развития и возрастного поведения было минимально. Небольшое различие было сделано между детством и взрослым периодом, и молодежь рассматривалась как взрослые, только меньше. Так как акт создания, как думали, был мгновенным, ребенок не развивается: крошечный, полностью сформированный небольшой человек или гомункул находится в сперме, когда входит в матку, и просто становится большим в течение девяти месяцев. Латинские термины для ребенка *puer* и взрослого *adolescens* использовались без изменения до восемнадцатого столетия.

Именно в религиозном сознании намечается дифференциация исторического времени, хотя и отвергается возможность активного участия человека в развитии общества. При этом ценностный акцент полностью смещен на время сакральное, а человеческое самоутверждение на земле полностью обесценивается. Циклизм сменяется векторизованным временем, хотя вечность по-прежнему *атемпоральна*. Мировоззренческая основа средневекового темпорализма включала в себя противоположность здравому смыслу и содержала мало истинного, парализуя человеческое самоутверждение на земле и обесценивая его время.

Отвергая циклизм древних, Августин четко разграничивает божественную вечность и земное время, время человека. Преходящее земное выступает по отношению к вечному, небесному как относительное к абсолютному. Текучесть мирского времени и полная неподвижность вечности дополнена статусом существования исключительно в настоящем. Благодаря Богу здравый смысл разрывает эти вращающиеся круги, писал Августин, провозглашая конечную цель земной истории. Сохранена и персонификация времени: *Когда Солнце по молитве человека было*

остановлено... Солнце стояло, а время шло. Позднее и Фома Аквинский будет различать вневременное бытие, в котором все части существуют одновременно, и время, в котором реально существует только настоящее как переход от будущего к прошлому. Эта связь опосредована понятием вечности, которое на уровне обыденного сознания расшифровывается представлением бесконечно длящегося настоящего.

Для Августина и следующих за ним феноменологов и экзистенциалистов абсолютное время есть абстракция и, как таковая, неподвижна. Это в принципе отличается от текущего характера времени Аристотеля, которое не может существовать без души. После детальных длительных рассуждений Августин приходит к выводу, что время лишено онтологического статуса, оно — в душе субъекта и является характеристикой *тварного* бытия. Субъективное время человека и его оценка — новая концептуальная идея средневекового сознания.

Детство было тесно связано с идеей зависимости и не кончалось, пока не кончалась зависимость от сеньора. На первом плане находились вопросы сословия, а о возрастном самосознании в современном понимании можно говорить лишь условно, применительно к средневековью. Называют 35 лет возрастом, которого достигало большинство населения средневековой Европы, указывая на *укорененность* в общественном сознании идеи старения и близящейся завершающей катастрофы как на уровне макрокосма, так и на уровне микрокосма.

История индивидуального развития, также как и история человечества, в представлении людей средневековья распадается на несогласованные между собой этапы². За переходом из одного возраста в другой кроется опасность не столько порчи физического тела, сколько накопления негативного нравственного капитала. Если в древнегреческой литературе старцы всегда изображаются прекрасными, то в средние века их изображения безобразны, отсюда происходит страстное желание омоложения, о чем свидетельствует то, что средневековые астрологи, алхимики, философы ищут философский камень, который мог бы дать человеку молодость, силу и богатство. Можно предположить, что к старикам относились жестоко, высмеивая их немощь и внешние проявления старости. Средневековое общество не связывало с детьми представление о будущем, в семье заботились прежде всего о старшем сыне как прямом наследнике.

Средневековому мышлению было свойственно рассматривать пространство как некоторую систему разнокачественных мест, каждое из них наделялось определенным символическим значением, различался земной греховный мир и мир небесный, мир чистых сущностей. Средневековое восприятие пространства имело *эсхатологическое начало*. В основе социальных взаимоотношений лежало не божество, разлитое в природе, как это было в период архаичного типа пространственности, а

---

² Елютина М.Э. Геронтологическое направление в структуре человеческого бытия. Саратов: Сарат. гос техн. ун-т, 1999.

Бог - творец и создатель социального и физического универсума. Человек не включался в пространство как форму определенной системы отношений, а применял априорную мерку, усвоенную из божественного откровения. Освоение пространства на этом хронологическом этапе характеризуется религиозной интерпретацией социального пространства, воспринимаемого как место земной жизни и стоящего в оппозиции пространству трансцендентальному, имеющему высший моральный и духовный смысл.

Важная идея связана с распрямлением времени. Время лишается онтологического статуса и становится характеристикой лишь *тварного* бытия, оно есть путь к смерти, на котором никому не позволено остановиться, только на этом пути возможно приобщиться к граду Божию. Линейное восприятие времени сопряжено с идеей его необратимости, оно доминирует в общественной идеологии той эпохи. Хотя в повседневной деятельности характерное для сельского образа жизни время представляется круговым циклом, для аграрного общества оно всегда заполнено определенным содержанием, сельскохозяйственной деятельностью, не может быть пустой длительностью.

Христианство игнорирует мирское человеческое существование, но родовой опыт земледельца, характер и ритм его трудовой деятельности и досуга дает позитивную оценку времени в циклах природы и человеческой жизни. Повседневный опыт и образ жизни, таким образом, давали обоснование идеи последовательности бытия (от сотворения мира до второго пришествия) и четкого выделения модусов времени с одновременным сохранением циклического образа времени, типичного для данного образа жизни и стереотипа мышления.

Если античность снимает местную ограниченность горизонта и поднимает образ времени на высоту его философского обобщения, то к моменту формирования средневековой культуры возникает четкое понимание исторической последовательности и необратимости времени, хотя мир той эпохи и разделяется на две резко противостоящие друг другу сферы. Тип деятельности и способ мышления (вернее, образ мыслей) человека средневековья был связан с соответствующей мотивацией поступков и формированием идеалов эпохи. Естественно поэтому соединение мирского времени с жизнью, ее течением, судьбой отдельного человека, то есть усиливается индивидуализация времени.

Так, время в скандинавских сагах—это форма жизненного пути людей, не существует вне их деятельности, течения их жизни, мотив судьбы связан с человеческой проблемой как проблемой этической: человек должен выработать свое отношение к судьбе и смело встретить свою участь. Впрочем, всемогущество судьбы ставится под сомнение.

Античный темпорализм не исключал вызревания идеи линейного времени — уже Аристотель наметил членение времени на предыдущее и последующее, которые всегда связываются между собой и непрерывно переходят друг в друга. В христианской же парадигме время не избавилось от циклизма: человек и мир возвращаются к творцу, время возвращается в

вечность. Конечность *тварного* времени и его начало пробивали идею реляционного характера времени человека, это отражено в письменных памятниках того времени. В сложной временной структуре христианского мира акцент смещен с циклизма на модусы линейного, существующего отдельно от вечности, а вечность по-прежнему атемпоральна. Время является количеством движения, но не в смысле расстояния, а в плане предшествования и последования, которые никогда не совмещаются.

Запреты во время праздников означали: нельзя трудиться, грешить, то есть находиться в потоке времени. Праздник — это прерванное время, открытая вечность, разрыв линейной христианской цивилизации (приоткрывается языческая стихия). В духовной культуре средневековья, как и в античности, продолжают преобладать фаталистические воззрения на причинность как выражение жесткой зависимости от стихийных сил природы и общества, в основе господствующих форм жизнедеятельности лежат отношения личной зависимости, производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах.

Средневековая концепция времени еще не вбирает в себя осознание этой категории в социально-психологических и народных пластах культуры, она во многом умозрительна, ей присущи оттенки абсолютности и персонализма. Концептуализация пространства и времени не завершена, но намечены аксиологическая и мировоззренческая функции, понимание их как форм существования. Развитие теоретического осознания окружающей действительности и расширение практического воздействия на природу детерминировало дифференцированное восприятие человеком реальности и выделение будущего как относительно самостоятельной сферы реальности, которая имеет особое значение для человека и которую можно предсказывать.

Несмотря на то, что средневековый темпорализм в своей тенденции стремится отрицать циклизм древних, исключая направленность времени и не знающий конечной цели истории, подлинного преодоления мифологического презентизма и окончательного освобождения от представления об атемпоральном, ничем не заполненном времени и экстемпоральном, вневременном бытии пока не произошло. Поэтому формирование предсказания будущего опирается в средние века не только на линейный темпорализм в качестве элемента нового, идею циклизма как элемент античного мировосприятия, но включает в себя и момент перво-бытного презентизма.

Ни вечная конструкция мира, его сущность, ни подверженное разрушению его материальное выражение не поднялись законам исторического времени. Связанное с временем было не исторически существующим, а несуществующим. Ю. Лотман относит средневековый тип культуры, в частности русскую культуру раннего средневековья, к семантическому, символическому типу.

Как из циклического времени природы и трудовых сельскохозяйственных периодов, так и из общего линейного, официального течения времени было начисто изъято то, что относилось к сфере единственно ценного с ре-

лигиозной точки зрения, и то, что осознавалось не во времени, и было установленным от века. Вместе с тем усложнение структуры темпоральных представлений усиливало понимание важности и ценности времени (хотя бы одного его вида) и детерминировало развитие прогностического сознания.

Переход от язычества к христианству усилил роль фактора времени в сознании скандинавов, по сравнению с мифологическим временем, в котором сливалось прошлое и вечность, текущее земное время представляется теперь несамостоятельным, несомоценным. Но воздействие на время есть определенная форма отношения к будущему. С этим связаны и предсказания, и вещие сны, и магия и заклинания. Новым элементом средневекового сознания является представление о субъективном времени человека.

В скандинавских сагах время — это течение жизни, оно не существует вне людей и их деятельности. Время человека у Августина, например, целиком интериоризуется, персонифицируется—человеческая душа становится первоначальной мерой времени, внутренний мир человека есть прежде всего память. Постепенное выделение представления о будущем и его оценка связывается с возможностью воздействовать на объективное время и с понятием Судьбы (существенно связанной с личным, “экзистенциальным”, как надо полагать, временем). Провидцы уверенно предрекают будущее, которое по циклу возвратится вновь как миновавшее прошлое.

Так, в исландских сагах способностью видеть будущее наделены многие люди. Мотив провидения в будущее связан с идеей судьбы и постановкой этической проблемы — человек должен выработать отношение к Судьбе, зная ее, и смело встретить свою участь. Всесилие Судьбы поставлено под сомнение в рефлексивном отношении в собственной судьбе, что не свойственно язычнику, например, в *Саге об Олафе Святом*.

В русской былине часто эффект внезапности, неожиданности эстетически подготавливается грозными предвестиями, предсказаниями, предупреждениями. Но богатырь преодолевает предсказания. Он выше рока, судьбы, мрачных предвестий. Это не простое отступление от рока, если сравнить с Эдипом. Здесь обнаруживается развитие субъективного типа предвидения, связанного со стремлением к индивидуальной реализации прогностической деятельности в целях предугадывания и последующего преодоления неотвратимости индивидуальной судьбы, а значит и власть над собственным временем.

Появление оценки категории времени означает постепенное углубление рефлексии ценности времени и в определенном объективном смысле, хотя ни о какой *полифонии* ценности не могло быть и речи. Фундаментальная ценность присваивалась христианскому времени, тогда как мирское человеческое время обесценено: христианство игнорировало эту проблему точно так же, как не замечало ее и родовое сознание. Ценным является также то, что были созданы предпосылки к распрямлению времени и отделению будущего от настоящего в представлении о реальности.

Религиозные пророчества давали возможность абстрагироваться от настоящего и наметить всю последовательность модусов времени, одновременно с верой о влиянии на будущее с помощью магии.

Хотя в сознании человека при этом мистически ассоциируются предсказуемые процессы с теми явлениями, с которыми у них нет объективной связи, религиозные концепции будущего явились первыми представлениями, открывающими предысторию предвидения. Переход от язычества к христианству сопровождается формированием прогрессивного в то время линейного темпорализма: время становится необратимым, векторным, структурируемым по модусам. Историческое время христианства разделяется на две эпохи — до рождения Христа и после него, создается напряженная связь времен, истории придается стройный план ее развертывания, вырабатывается комплекс идей провиденциализма — божественного провидения, мессии.

Хронотон Ренессанса и Просвещения

Идейная насыщенность и дух раскрепощения человека, идеология гуманизма, новое мировоззрение были в основе культуры Возрождения. Гуманисты Возрождения положили начало новому типу интеллигенции, которая очертила жизненный стиль и круг деятельности интеллигенции последних эпох, связанный с переходом деревенской к городской культуре. Город оказался убежищем от жесткого социального контроля, господствующего в сельской общине: для члена догородской общины отсутствовала возможность выйти за пределы культурного универсума. Освобожденный от норм и контроля общины, он устремляется к ценностному магниту - городу.

Приход в город означает новое отношение ко времени, причащение к высшим формам регуляции. Показательным в этом отношении является время купца и время гуманистов. Если первое вырабатывалось на деловой бюргерской основе, то второе возникло на скрещении времени купцов и времени церкви, гипостазировавшихся в нечто третье, иное и необычное. В эпоху Возрождения семья уже не была основной ячейкой воспитания, как в античности; ее функции ограничивались продолжением жизни, ее воспроизводством в новом поколении (чисто физическом), передачи ей имущества и фамильного имени.

Приобщаясь к городскому образу жизни, более динамичному, чем сельский, человек изменяет образ жизни. Новый жизненный стиль детерминирует новые грани прогностической деятельности, иной социальный ритм, отражающий социально-экономические процессы перехода от феодализма к капитализму. Эта новая культура значительно меняет социальное пространство и темпоральность, расширяет рамки предвидения. Зарождающаяся научная ориентация общественного самосознания, громадный взлет художественной культуры сочетается с глубоким развитием аксиологического контекста времени.

Все, что со временем появляется, со временем и исчезает. В противовес средневековому представлению о вечности и незыблемости

богоустановленного феодально-сословного строя, выдвигается идея закономерности социально-исторических перемен и полных переворотов. Истоки гуманистического историзма одновременно суть фундамент концепции исторического времени. С позиций историко-философских реминисценций критику концепций, развивающих понимание времени в многообразии форм, существовании различных видов и уровней реальности в аспекте истории культуры нельзя не признать несостоятельной. Категория времени обогатилась в триумфе городского образа жизни, ярком всплеске натурфилософской и естественнонаучной мысли, вспышке художественного гения, расцвете творческой личности.

Представления о модусах времени структурно переплетаются с предсказаниями в различных сферах деятельности. Леонардо, к примеру, является провозвестником новой науки и нового искусства в своих натурфилософских и художественных воззрениях. Натурфилософские воззрения Дж. Бруно предваряют будущие идеи Декарта, Галилея. Новый этап прогностического сознания обобщал практический опыт, новый культурно-исторической локализации, детерминировал развитие новых концепций и представлений времени.

Альберти фактически рассматривает сложную палитру индивидуального и историко-культурного времени, время для него по существу тождественно пространству культуры, это не пустая длительность, а наиболее индивидуальное и внутреннее достояние индивида, собственность человека, в памяти которого хранится история человечества. С особой остротой возрастает понимание *ценности* переживаемого времени. При этом ощущение конечности, краткости времени порождает не апатию обреченности, а энергию борца. Альберти становится первым, кто, исходя из гуманистических идей, отразил ренессансное представление о месте искусства и художника в космической и социальной иерархии.

Аксиологическая рефлексия времени стала огромным скачком в мировоззрении, связанным с новым типом деятельности, новым отношением к судьбе, и более глубокой прогностикой. Сместились акценты в оценке, произошла реабилитация ценности настоящего. Для временной композиции человека Возрождения характерно повышенное интенсивное переживание не конца времени, а его начала, не случайно из искусства Кватроченто почти исчезает тема Страшного суда, столь популярная в средневековье. Особая черта нового отношения ко времени — установление общественного престижа настоящего, его исключительной ценности и даже гипертрофии: во времени мы находим лишь упорядоченное настоящее.

Углубление интереса к будущему способствует распознаванию настоящего и его гипертрофии. Если натурфилософия XVI века пришла к отрицанию линейного христианского времени и атемпоральной вечности путем создания идеи заполненного, неотделимого от вещей времени, то ренессансное ощущение времени спрессовало в единый образ все временные слои: “мечтая о будущем, уже осуществленном в настоящем, люди Возрождения видели его в образах античного прошлого”. Гипертрофия

настоящего включает все времена, так как упорядоченное настоящее, будущее и прошедшее совпадают с настоящим. Пафос Возрождения не только в свертывании временной перспективы и преодоления временной дистанции и истребительной власти времени. Установление общественного престижа настоящего плодотворно сказывается на углублении интереса к будущему, его предвидению.

Есть и другой аспект концептуализации идеи времени с его акцентом в настоящее. Петрарка не только считает земное существование, настоящее главным для человека, но, проповедуя жизненный оптимизм, верит в лучшие возможности для человека в этом мире. Мало верить в далекое будущее, то есть обещанную загробную жизнь. Реабилитация настоящего оказалась нужна гуманистам для передачи природе того, что религия считала бесспорной прерогативой бога, восстановления ценности времени жизни человека как дара природы, бесспорного единения времени человека с временем природы.

Десакрализация космоса трансформировалась в разработку космологии бесконечной Вселенной у Дж. Бруно, который полагал время как единство мгновения и бесконечности, тождество начала и конца. Время все берет и все дает; все меняется, и ничто не гибнет. Телезио рассматривал длительность и объективность как основные свойства времени, а время — как условие существования и движения, от него не зависящее. Для эволюции идеи исторического времени имела большое значение идеология гражданского гуманизма, с наибольшей полнотой разработавшая ренессансное учение о месте человека в обществе многими деятелями Возрождения, и в их числе Л. Альберти.

Классические проекты пространства и времени

Классическая научная картина мира включила в свою структуру принцип дальнего действия, гелиоцентризм, классическую механику, вещественно-субстратную модель единства мира, евклидову геометрию и новую модель линейного (но уже не финалистского, а бесконечного), абсолютного и субстанциального времени. Ньютоновский синтез знания, означавший его дегуманизацию, был научной революцией в определенных стилевых отношениях: 1) переходе к критическому рациональному анализу; 2) последовательном союзе между практической и теоретической деятельностью; 3) триумфе новой универсальности — унифицировании того, что “до Ньютона казалось разрозненным и несвязанным”.

Естественно поэтому, что в концепциях времени классической науки преобладали макропредставления, знания о движении отдельных объектов, удовлетворительно описываемом ньютоновской парадигмой времени. Употребляя теперь формулировку существование событий в пространстве и во времени, мы вкладываем в нее новое содержание. Воздействие пространственной и временной формы на содержание процесса выражается понятием фактора социального пространства и времени, связывается с аспектом субстанциального влияния на локальный процесс.

Между тем в понимании пространства как объективной протяженности и длительности, слитой с субстанциальным содержанием, предпосылка будущих этапов эволюции данных категорий. От слияния атрибутов с субстанцией, через их различие, новая интерпретация приведет к полному разделению и насильственному отрыву друг от друга.

Если так или иначе мыслилась связь обоих атрибутов материальной субстанции, — пространства и времени, то из этой связи вытекала тенденция мыслить по аналогии: идея абсолютного времени (самостоятельно существующего), как нам представляется, была подготовлена первоначальной идеей именно абсолютного пространства. Хорошо известны представления Ньютона об абсолютном пространстве. После своего визита в Англию Вольтер в 1750 году писал: “Приехав в Лондон, француз обнаружит, что философия там, как и все вообще, совсем иная. Он уехал из мира, который был для него пленумом, а здесь попадает в вакуум”. Ньютоновский закон тяготения, понятый буквально, утверждает непосредственное дальное действие в вакууме.

Все, что мы встречаем у представителей метафизической философии в концепциях пространства и времени, суть только варианты ньютоновских представлений. Т. Гоббс, анализируя понятия пространства и времени, подчеркивает происхождение этих понятий в результате абстрагирования в процессе познания от свойств вещей и выделения фиксации того факта, что эта вещь существует вне сознания и находится в движении: “время есть образ движения, поскольку мы представляем в движении то, что совершается раньше или позже, или последовательность”.

В общеисторический контекст логики становления миропонимания органически вписалась физика, ибо ее первоначальной научной формой как раз и является статика. Даже концепции, учитывающие время (точнее, его параметр), описывали по существу неизменный мир, который оказывался, тем самым, экстемпоральным, в стороне от течения времени, а философия апеллировала ко временным истинам. Статика способствовала появлению парадоксальной ситуации устранения времени. Ньютоновская однозначность и абсолютный детерминизм господствовали в науке и наносили удар идеям провиденциализма. Став одним из опорных пунктов мировоззрения, идеи естествознания повлияли на литературу и искусство, социологические взгляды. Достаточно убедительно это доказывает литературное творчество Вольтера, Руссо, Дидро.

Классическая парадигма способствовала бурному экстенсивному развитию прогностической функции науки, давая простор многочисленным единичным открытиям и предсказаниям в рамках существующих концепций, стандарты статики благоприятствовали осуществлению презентивного предсказания, открывавшему новые объекты существующей действительности. Наука несла проект исчерпывающего упорядочивания мира, стремясь к установлению неизвестных ранее науке, но актуально существующих явлений, устремляясь к открытию простых элементов в порядке их усложнения, стремясь к установлению иерархии.

Таблица по М. Фуко является центральным элементом в знании XVII—XVIII веков.

Инженерно-технические применения человеческой деятельности развивались эмпирически, опираясь на многовековую практику, догадку, технологическое ощущение природы, простейший, элементарный расчет, так как объединение научной теории и инженерного дела произошло позже, в XIX столетии, и только тогда стало возможным влияние теоретического осознания времени и предвидения на практику, производство, технику. Тогда же, в XIX веке происходят более существенные изменения в понимании сущности отдельных возрастов.

По мере освоения мир становится для индивида пространством развертывания личности. Развитие имеющихся методов познания, желание разумно преобразовать мир привела к формированию нового взгляда на его организацию. География *Нового времени* помещает Землю в Ньютоново пространство - изоморфную, качественно однородную, симметричную среду, конструируемую абсолютным наблюдателем. Время исчисляется относительно вращения Земли и фиксируется в виде параллелей и меридианов. Такого рода глобальная геометрическая репрезентация мышления приводит к превращению времени в функцию пространства. Место, занимаемое социальным субъектом в пространстве, лишается черт уникальности и начинает описываться только количественными признаками.

Онтологическая позиция человека Нового времени в социальном мире характеризуется как *рациональный тип пространственности*, который приводит к предметной репрезентации жизни, подобно тому как в уже рассмотренных типах пространственности, производилась репрезентация смысловая. На первый план выходит рассмотрение всех новых фрагментов реальности через призму экспериментального исследования. Из жизненного уклада социального субъекта вытесняется все покоящееся и стабильное, торжествует закон числа с его заменимостью отдельных элементов. Тиражирование лишает человека возможности узнавания.

Человек оказывается перед лицом хаоса, вызываемого его отождествлением с вещами. Освоение социального пространства происходит в контексте эмпирического, просчитанного, рационально обоснованного толкования реальности. Позитивистская наука этого времени не в состоянии решить проблему двух взаимоисключающих друг друга интерпретаций онтологической сущности индивида: с одной стороны, человек - неповторимая экзистенциальная индивидуальность, с другой, элемент системы, поведение которого подчиняется ценностно-нормативному механизму.

Традиции симметричных образов пространства и времени в статической картине мира, детерминированной обыденной практикой, сохранялись довольно долго. По признанию И. Пригожина, еще Д'Аламбер и Лагранж полагали одинаковую роль прошлого и будущего в мировых траекториях атомов. Такая статическая картина мира уходит корнями в прошлое

западной науки. Все ученое сообщество почти единодушно разделяло такую статическую точку зрения еще в начале прошедшего века.

Пространственно-временной проект российской цивилизации

Историческое своеобразие топологии жизненного пространства и социального времени России начинается эпохой Московского царства. По справедливой оценке Г. П. Федотова Киевская Русь развивалась по общим для средневековой Европы законам, измененным лишь с поворотом «маятника» к азиатской версии развития. В целом концепция российской истории как колебания между «западной» и «восточной» моделями представляет собой известное упрощение, если принимать ее буквалистские, как механическую смену влияний. Г. П. Федотов видел здесь, скорее, смену идеальных типов.

Московское царство продуцирует иерархизированное, маркированное особым образом жизненное пространство. Самый дворец государев охранялся особым почетом, нарушение чести государева двора преследовалось даже положительным законом, самый подъезд ко двору соразмерялся с честью, или чином каждого приезжавшего лица. Примечателен сам термин местничество, определявший логику отношений индивидов в этом символическом пространстве. Речь идет, буквально, о месте в определенной системе позиций, абсолютную шкалу которой задает положение в отношении государя (*И. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*).

Г. П. Федотов подчеркивает органичность для России петровской модернизации, питавшейся не только заимствованиями европейских начал цивилизованности, но сохранившимися в недрах Московской Руси живыми родниками киевской и новгородской старины. Добавим, что эта старина так же была чревата реформацией, как европейское средневековье. Пространственной метафорой реформации выступает именно реконструкция иерархизированного, жестко маркированного жизненного пространства.

Особенность России в том, что здесь модернистский проект получил более полную, чем где бы то ни было, реализацию, именно в качестве целостного, автономного, преобразующего реальность проекта. Специфика исторических условий создала ситуацию пролонгации классической модели Просвещения, затем ее эволюции через ряд производных форм. Здесь изначально просветительский проект реализовался в условиях почти чистого лабораторного эксперимента. Петр I выступил в роли демиурга, преобразовавшего по вдохновленным камералистами из Галле планам косную, пассивную материю, структурировавшего ее системой регламентов.

Россия просвещается насильственно, цивилизованность и власть отождествляются. В результате возникают специфические напряженности пространства-времени. Процесс синтеза новых форм идет фрагментарно. Гражданское общество в России возникает «сверху», бытовая культура распространяется в замкнутом кругу элиты, крестьянская масса

продолжает жить нормами традиционного общества.

Периодизация жизненного цикла в русском крестьянском обществе XIX- первой четверти XX века подчеркивает наличие вариативности возрастных стадий и их терминологии. В русском крестьянском обществе этого времени преобладало представление о трех основных фазах жизненного цикла: начале, середине и конце, им соответствовали три возрастные категории - дети, взрослые, старики. Однако в локальных традициях население называло разное число категорий, без выделения основных и переходных: от двух (дети и взрослые) до пяти (дети, подростки, молодежь, взрослые и старики). Просвещение в корне изменило характер детства, поставив в качестве его духовных наставников семью и школу.

Семье вменяется в обязанности заботиться о попечении и воспитании детей. Школа лишает ребёнка свободы, запирая его в жесткие рамки дисциплины. Наука отмечает отсутствие четкого разделения между возрастами: все изменения происходят плавно, особенности той или иной поры переплетаются и вырастают друг в друга. В России только в шестидесятых годах прошлого столетия приобрел интенсивные формы переход от традиционного к индустриальному обществу. Именно этот поворот, в тот период нашедший адекватную интерпретацию лишь в оценке И. Гончарова, обусловил специфику дальнейшего развития страны.

Характерной становится маргинализация массового сознания (при сохранении достаточно устойчивых стереотипов того, что у К. Гиртца получило исчерпывающую социологическую интерпретацию как крестьянская культура). Идет синтез на всех срезах идеологического пространства просветительства с мессианистским мистицизмом. Утверждается доминирование идеи патерналистской диктатуры харизматического типа в политической культуре (при наличии уравновешивающей ее анархистской тенденции). Складывается острое противопоставление этического и эстетического начал в элитарной художественной культуре при огрублении культуры массовой. Возникает уникальное соединение в науке догматического консерватизма и базирующейся на высочайшей эрудиции традиции интуитивного поиска.

Реляционная методология и неклассический темпорализм

Направление, подвергавшееся ожесточенной критике со стороны В.И.Ленина как субъективный идеализм, отдавало предпочтение как раз не абстрактно объективированному, абсолютному, субстанциальному бытию, а существованию человека, субъекта, вне которого данные категории просто теряли всякий смысл. Пространство не имело верстовых столбов, по которым его можно было обследовать, а время как пустая абстракция было признано непригодным для жизни. Эйнштейн продемонстрировал физическую зависимость пространства и времени от субъекта наблюдения, а Минковский нашел математическую формулу взаимосвязи пространственных и временных параметров.

Эти встречи на границе и результат побуждающих действий объединены восприятием и являются двигателем, который ребенок запускает всегда в незнакомых ситуациях и контактах. Через действие постепенно развиваются способности, во взаимном подкреплении мира объектов ребенок самостоятельно включается как познающий субъект. Через движение и всегда новую структурированную активность он открывает территориально означенные объекты и пространство, становится самостоятельным. Человек и социальное пространство не просто влияют друг на друга, но существуют через сопоставление и связь с конкретно оснащенным пространством. Это постоянное условие нашего существования, предпосылка телесного и когнитивного развития.

Что же принципиально нового вносит А.Эйнштейн в понимание времени по сравнению с прежними культурно-историческими канонами? Предыдущие концепции так или иначе сохраняли элементы мифологического времени, придерживались идеи его субстанциальности, абсолютности, равномерности, абстрактности. Преодоление классических стандартов понимания времени происходит, конечно, не сразу и не вдруг во всех областях знания. При всей бесспорности долголетнего лидерства физической теории с точки зрения разработанности и операциональности аппарата темпорального описания физической реальности теперь проблема времени находит междисциплинарное раскрытие и решение на пути создания комплексного образа времени, интегрирующего анализ социологических, естественнонаучных, лингвистических и художественных представлений. Методологическое обобщение релятивистских идей сопровождается обращением их в другие науки - социологию, литературу, психологию, искусство, естествознание.

Сохранение субстанциального оттенка можно увидеть, пожалуй, в понятии фактор. В нашем обычном мировоззрении мы рассматриваем время как самостоятельный и совершенно независимый фактор природы, этот термин акцентирует внимание на том обстоятельстве, что время выступает активно действующим свойством процессов, создавая определенный временной фон.

Неверно рассматривать взаимодействие между человеком и пространством как изолированную связь между двумя замкнутыми в себе гомогенными однородными элементами, это многосторонний и многообразный процесс, если брать во внимание, что человеческое существование имеет несколько измерений. В числе этих параметров - социальные и экономические организации, производства, выраженные как временное развитие, протекание, ритм, а также в качестве пространственных территорий, дистанции, условий жизни, социального неравенства.

Углубление в тайны бытия предполагает, наряду с осмыслением тайны времени, рефлексию самого бытия, с точки зрения человека, его жизненной позиции, обогащенной культурой, её силовым полем, стремлением охватить бытие в его тотальности. Это поле культуры не допускает вакуума между исследователем и исследуемым, в процессе

познания человек обогащает предмет и обогащает себя посредством освоения предмета, его преобразования. Мысль о том, что онтологическое бытие объекта исследования схватывается субъектом отнюдь не в непосредственном противостоянии, получила обобщение в работах М.К. Мамардашвили. Между реальным отношением или вещью и их представлением в сознании существует поле, не пробегаемое созерцанием и заполненное социальной механикой, продуктом действия которой является осознание человеком реальности - как внешней, так и внутренней.

Противоположность идеализма и материализма в философии бытия как правило сводится к тривиальному противоположению содержания этого понятия в рамках основного вопроса философии понятию сознания. Доведенное до крайней степени простоты такое противоположение приводит к вульгарно-материалистическому толкованию бытия как сплошного абсолютного существования материального. Категория идеального служит для выражения фундаментального свойства деятельной способности человека - особенностей развертывания его сущностных сил. Завершённая онтология, по Гегелю, прямо включает в себя гносеологические отношения, а не противостоит им. Существование в качестве опосредованного бытия вскрывает его дихотомию в аспекте переходов бытия и небытия, а также отношения противоположения материального и идеального.

Когда мы говорим о противоположности материального и идеального, возникает вопрос: что общего у этих противоположностей. Стороны противоречия, кроме различия, противоположения, должны иметь общую, тождественную основу, единую сущность. Последняя состоит как раз в том, что и материальное и идеальное *сосуществуют*, находятся в бытии, существовании, хотя и различными способами. Поскольку время не являлось у Гегеля формой существования духа, оно лишь развёртывало уже готовое содержание.

Экзистенциализм игнорирует, что в сознании человека преломляется культурно-историческое представление о времени и время субъективного существования конкретно-исторического человека, поэтому Сартр характеризует темпоральность как субъективно организованную структуру модусов времени: "Универсальное время приходит в мир через для-себя. Способ времени объективного существования превращён в способ творения этого времени, объективное время" Сартра однотипно в конечном счёте с мировым временем Хайдеггера. Время в качестве свойства отчуждённого природного и социального мира приобретает в экзистенциализме характер чуждого и враждебного человеку фактора, хотя в целом постановку вопроса о категории времени в исторических типах деятельности человека и победы над временем, власти над ним в рамках исторического развития можно признать небеспочвенной.

Время как атрибутивная форма характеризует определенные стороны в структуре существования. Понятия позже-раньше выражают количественный аспект отношений между моментами времени, тогда как

понятия прошлое-настоящее-будущее - качественный аспект³. Время охватывает и внутреннюю сущность и внешнее явление бытия, но именно внутренняя, качественная временная структура выражает становление, переход из небытия в бытие и обратно. Образуется проблемная цепочка понятий: бытие-существование-становление-время. В эту цепочку включаются и другие понятия: небытие, объективное и субъективное, материальное и идеальное, возможное и действительное, сущее и должное. Дихотомия бытия порождает возможность предвидения, и предварительный анализ категории бытия в аспекте её диалектического содержания, а также последующее раскрытие временного (темпорального) среза бытия дадут в дальнейшем основание для описания времени и предвидения в рамках культурно-исторического сознания.

Термины временной и темпоральной приблизительно отражают различие объективно-реальных и идеальных сущностей, подобно тому как различаются *time* и *tense* в английском языке. Тогда понятия временность и темпоральность не будут, строго говоря, взаимопереводимыми и совпадающими.

Отрицание объективности времени процессов природы всегда было связано с соответствующей подстановкой субъективного времени: Беркли критиковал Ньютона не только за абсолютизацию и объективирование времени, но и за признание его объективности, независимости от сознания. Столь же известен тот факт, что философия Маха породила в конечном счете субъективную интерпретацию времени: у Маха выходило двойное соотношение физического и психического времени, на деле подчинение субъективным ощущениям. Кроме принципа антропологизма мы извлекаем как урок еще и принцип историзма: натурфилософское объяснение времени дано нам лишь в свете исторической ограниченности материализма. Выбор метода исследования и способа философствования, наряду с решением так называемого основного вопроса философии, остаются важнейшими детерминантами концептуализации времени.

Создатель футуризма Ф. Маринетти писал в начале XX века: «Великолепие жизни обогатилось новой красотой - красотой скорости. Потерявший связь с эмпирическим Я и с объективными пространственно-временными определенностями, акт этого квазивосприятия длится, протягивается от теперь к новому теперь, изменяется в своих реальных частях и направлен на изменяющийся объект, который имеется в виду. Гуссерль подчеркивал, что время не есть объективное или объективно определенное время. Его нельзя измерить, для этого нет часов и прочих хронометров. Здесь можно только сказать: теперь, раньше, еще не... Поворот от объективного времени к временности сознания дает возможность схватить поток сознания, восприятие (квазивосприятие) потока теряет эмпирический характер. Это означает возможность перехода от психологической (установление корреляций между образами восприятия, памяти и объективными обстоятельствами) к

---

³ Аскин Я.Ф. Проблема времени и ее философское истолкование. М., 1966.

феноменологической рефлексии, в которой исключается психологический характер Я и раскрываются смыслообразующие структуры сознания.

Понимание времени — наиболее глубокая содержательная основа сравнения теорий Гуссерля и Хайдеггера. Круг Гуссерля *сознание времени* — *временность сознания* принимает у Хайдеггера вид *темпоральность бытия Dasein* — раскрытие бытия в горизонте времени. Поворот от объективного времени к временности — это не поиск всеобщих структур сознания, а поворот к экзистенциальной временности. Временность всегда наша, мы раскрываемся во временности, в нас раскрывается бытие. Временность выражает направленность и конечность фундаментального феномена Dasein. Забота равна темпоральности человеческого бытия, раскрытие смысла бытия есть описание темпоральных составляющих заботы — будущего, прошлого и настоящего. Понятие времени может стать более определенным только в конкретном проблемном контексте, в связи с проблемой первичных ориентаций сознания и человеческого бытия.

Пространство и время - это отношения и последовательности событий в границах нашего существования, они постоянно наделены практиками и содержанием культур, которые имеют определенное значение для поведения, мышления и ощущений, влияют на нас, а мы, в свою очередь, на них. Соответственно содержанием данных категорий становятся социальные проблемы, анализ и решение которых зависят, в свою очередь, от понимания инструментальной роли социологии пространства и времени, социального неравенства и нетипичности.

Обыденное, бытовое толкование пространства и времени не всегда блещет глубиной, склонно к редукции, механицизму. Усвоив ньютоновскую парадигму, оно не соответствует сегодня уровню научной рефлексии, хотя и представлено в какой-то мере категориальной структурой мышления ученого. Этим объясняется на первый взгляд парадоксальный факт, что понятия пространства и времени использовались исключительно в смысле физического параметра измерений не только одними физиками.

Концептуализация идеи времени в истории философии и науки (в том числе и в отечественных исследованиях) не всегда шла гладко и прямолинейно. Широкое распространение редукции во многом преодолевается уже в самих конкретнаучных и методологических работах геологов, биологов, хотя завершение этого процесса дано в философской и общекультурной интерпретации категории времени, универсальное содержание которой раскрывается в специфических понятиях. Впрочем, эталоном широты взглядов физиков служат взгляды Н. Бора, который придавал своему принципу дополнительности не только физическое, но и общекультурное значение.

В обществах, по преимуществу аграрных, авторитет возраста по-прежнему незыблем. Молодежь обнаруживает больше склонности к мятежу в технически развитом обществе, где старики утратили преимущество возраста, а их традиционная мудрость стала пережитком.

Индустриализация ослабляет семью как общественную единицу. Семья, состоящая из четырех поколений, больше не существует, и остается только маленькое ядро из родителей и детей, очень часто с работающей матерью. Во-вторых, общество развивается таким образом, что молодой человек, прошедший курс компьютеризации, имеет более высокую квалификацию, чем тот, кто старше его, но чей опыт сегодня уже считается

Современное динамичное общество постоянно ставит перед каждым новым поколением проблемы и задачи самоутверждения, выбора путей своего развития. В таком обществе опыт предыдущих поколений не может полностью отвечать задачам настоящего и будущего. Не остаются неизменными и сами механизмы трансляции опыта, соответственно формируется «образ» каждого поколения. Но есть динамика развития уже структурно организованная, а есть динамика переходного этапа, когда происходит и смена самих социальных структур, обеспечивающих преемственность поколений, меняется система ценностей. С этим и связан сюжет о конфликте поколений.

Однако, какие бы новшества ни предлагала молодежь, они всегда основаны, по мнению И.Кона, на опыте прошлых поколений и на определенной культурной традиции. Преемственность поколений не всегда идет по восходящей линии. Исторические свидетельства в основном рассматривают проблему борьбы за власть между старыми и молодыми, принадлежащими к господствующему классу. Старые владеют опытом, знанием, памятью, однако им недостает силы, здоровья, адаптационных способностей и инновационных стремлений.

Далеко за пределы собственно релятивистской теории выходит общекультурное значение идей А. Эйнштейна, благодаря которым ситуация классического доминирования линейной модели времени в науке оказалась не вечной. Традиционная постановка вопроса в наших учебных программах о философских выводах теории относительности по-прежнему необходима, но с точки зрения современного развития теории и социальной практики совершенно недостаточна, даже с точки зрения междисциплинарных и гуманитарных исследований.

Принятая классификация форм движения реальности создает возможность исторической и логической ее экстраполяции на формы пространства и времени, необходимость социально-философского и социологического синтеза этих категорий. Современной науке чужды исключительная физикализация либо полная оторванность данных категорий от реальных процессов действительности. Критика понимания пространства, движения, времени как абстрактных, бессодержательных, не связанных с реальными изменениями понятий имела для развития науки определенное методологическое значение.

Концепция времени как формы бытия материи получила свое идеологическое развитие в работе вождя мирового пролетариата “Материализм и эмпириокритицизм”, который подверг агрессивной обструкции субъективно-идеалистическую интерпретацию времени Маха как исключительной последовательности ощущений, опытных данных.

Содержание категории времени абстрагируется от конкретно-локальных понятий времени для отдельно взятого уровня взаимодействия, но не обозначает отдельного существования какого-то времени вообще. Эта категория фиксирует в неразвернутом виде единство различных форм времени, а не нечто особенное, существующее *наряду* с этими формами.

Если, следуя определенной моде, словосочетание система представлений и концепций времени, существующая в определенную эпоху и в определенной сфере знания, заменить термином *темпорализм*, то заметна польза в смысле оптимизации языка проблемы. Современные исследования времени в полном соответствии с принципами антропологизма раскрывают сквозь призму истории культуры и научных программ объективную полифонию времени в контексте деятельности человека.

Полифония времени не есть аллегория, как иногда думают; это следует хотя бы даже из многозначности термина время, которым оперируют науки, из наличия того арсенала понятий, который характеризуют феномен времени. Индустриальное общество поглощено идеей расчлененной и отлаженной системы, которая включает и человека. Человеческий разум становится гарантом социального прогресса. А его деятельность призвана к контролю над пространством и временем для сохранения своей самобытности; он стремится преобразовать окружающий мир до полного соответствия себе.

Семантическое различие темпоральных понятий в целом лежит в различных плоскостях знания, что обуславливает их нетождественность, несинонимичность, без особого разграничения этих уровней. Проведем здесь небольшой лингвистический анализ.

Релятивный — термин, обозначающий философскую категорию относительного, сторону истины, движения, времени, пространства, противоположной является категория *абсолютного*. *Реляционный* - общенаучное понятие отношения и связи, реляционная концепция пространства и времени противоположна *субстанциальной* концепции. *Релятивистский* - конкретно-научное физическое понятие, означающее принадлежность к теории относительности, релятивистским эффектам, противоположное понятие - *классический*.

Все указанные понятия, хотя и восходят к романским корням, тем не менее исходят из различных базовых языковых структур. К тому же два из них не обладают философской всеобщностью. Игнорирование этих моментов и создает, с нашей точки зрения, экстравагантные ситуации, как в работах, - применяющих данные термины в смысле эквивалентов, тождественных понятий, так и в их критике. С одной стороны, достойны всякого порицания несоответствие употребления понятий, их прямолинейный перенос из текста физики в структуру социологической интерпретации.

Но, с другой стороны, вряд ли оправдано абсолютное противопоставление идей теории относительности (которые не ограничиваются рамками релятивистской теории) социально-гуманитарной концепции пространства

и времени как атрибутивных форм социальности. Главный вопрос дискуссии заключается в выявлении возможности философских, методологических и общекультурных выводов из теории Эйнштейна.

Симптоматично высказывание И. Пригожина о проникновении времени в биологию, геологию, социальные науки, на микроскопический и космический уровни. Все чаще подчеркивают универсальный и полифоничный характер идеи пространства и времени, ее статус категории культуры, несводимость к сфере физического мира, необходимость исследования различных сфер реальности и переориентации сознания. Здесь - романы потока сознания и психанализ, и кубизм, и теория относительности, не говоря уже о кино, аэроплане, телеграфе и других компонентах технического прогресса и научных революций, которые тоже вложили свою лепту в формирование новой культуры пространства и времени.

Целостность культуры и ее присутствие в естествознании произвели коренной переворот в понимании пространства и времени, в таких аспектах: 1) преодоление субстанциализации, персонификации, статичности и абсолютности; 2) утверждение связи пространственных конфигураций и временных моментов в протяженности и последовательности реальных процессов; 3) детерминация пространства и времени конкретным процессом, их относительность; 4) представление о культурном конструировании пространств и стрелы времени как фундаментальных свойств бытия; 5) наличие перцептуальной и гносеологической инверсии пространства и времени; 6) дополнительный характер описания пространства и времени различных видов реальности.

1.2. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В СОЦИОЛОГИИ

Категориальный анализ пространственной организации социума

Социальная теория в своем развитии оказалась перед необходимостью интерпретировать социальную реальность в пространственно-временном контексте. Пространственность является одной из основных характеристик социального бытия. Однако ее интерпретация и объективация непосредственным образом зависят от формы освоения, которая предполагает положение наблюдателя.

Термин социальное пространство, особенно в контексте российской науки, нагружен дополнительными смыслами, коннотативными значениями. Концепции П. Бурдьё именно потому были в России так легко восприняты, что в их понимание включались подходы, позволявшие, с кажущейся легкостью, адаптировать привычное, основанное на марксистских подходах, знание. Истолковывая социальное пространство как пространство социальных различий, возможно плавно перейти к проблемам социального неравенства, интерпретируемого в качестве ключевого конструирующего фактора.

Э. Дюркгейм использует категорию пространство в анализе социальных феноменов, представления о пространстве конвенциональны, социальная организация – модель, копируемая в пространственной организации. Центральным является определение пространства как способа соединения социальных явлений. Таким образом, главное в категории – истолкование пространства как символического, представляющего собой каркас структуры социальных взаимодействий. И метафора пространства позволяет описать весь конгломерат отношений, действительно конфигурирующих общество.

Использование метафоры пространства позволяет преодолеть демокритовский атомизм в описании социальной реальности. Пространственные структуры, создаваемые человеком в ходе преобразования природы, становятся основаниями социального, политического пространства. Сложность, однако, заключается именно в многомерности этого пространства. По Ю. Качанову, поля экономики, политики, культуры даны нам как автономные сферы практик.

В рамках субстанциальной традиции социальное пространство понимается как размещение тел участников взаимодействия; место, вместилище мест; порядок социальных диспозиций, основание структура для рефлексии, освоения, конструирования и моделирования. Э. Дюркгейм объясняет механизм организации социального пространства таким образом, что составляющие общество индивиды и вещи распределены между различными группами, классифицированы относительно друг друга.

Для нас важен конструирующий смысл этих важных категорий социологии. По А. Филиппову общество предполагает сознательную самоорганизацию, которая есть классификация, чтобы предотвратить столкновения, каждой группе должна быть определена своя часть пространства. Пространство социализировано – то есть социально организовано. В каком-то смысле можно говорить, наверное, об организационных культурах социальных пространств.

Вместе с тем концепция социального пространства Г. Зиммеля основывается на рассмотрении его как формы совершения событий в мире. Любое взаиморасположение людей неизбежно приобретает пространственную форму, но содержания, которые эту форму наполняют, не зависят от пространственных характеристик. Государство исключает на месте своего существования другие государства (в отличие от города, где могут сосуществовать несколько городских общин), являясь органической целостностью. Пространство, занимаемое некоторой социальной группой, оказывается основанием единства пространства.

Границы являются необходимым условием движения, в известном смысле его продуцируя. Процесс проведения границы является процессом движения. С другой стороны, границы придают социальному пространству характеристики устойчивой структуры, а их эмансипация позволяет расширить возможности человека в социальном мире – отсюда вытекает принципиальная важность их проведения: "граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический

факт, который пространственно оформляется”, - утверждает Г.Зиммель. В процессе социализации человек усваивает социальные границы, которые, будучи репрезентированы во времени и пространстве, являются семантическими, в этом проявляется двойственный, смысловой и пространственно-временной характер границ. Границы являются одним из условий социально-пространственной идентификации, определяют социальные и физические дистанции между интегрированными целостностями социальных групп.

Зиммель направляет внимание на пространственные измерения социального взаимодействия, форм социальной дистанции, социальной, физической и психологической дифференциации. Им выделяется пять основных характеристик пространственных форм: исключительность, или уникальность пространства, границы пространства, фиксирование социальных форм в пространстве, пространственная близость и дистанция и движение пространства. Он определяет четыре пространственные формы:

1. структурирование пространства в соответствии с принципами *политической и экономической организации*;
2. локальная структура, возникающая из отношений *доминирования*;
3. фиксированные локальности как *выражения социальных связей*: семья, воинское подразделение, каждый имеет дом;
4. пустое пространство как *выражение нейтральности* государственных или метрополисных территорий.

Использование понятия социальной дистанции делает возможным понимание и объяснение многих социальных процессов и социальных типов (доминирование и подчинение, аристократ и буржуа). Таким образом, в концепции Г.Зиммеля имеют определяющее место социально-статические аспекты социального пространства, которые его дифференцируют.

П.Сорокин интерпретировал социальное пространство в контексте социальной стратификации, социальной мобильности и социокультурной динамики, подчеркивая, что эти процессы отражают определенное положение индивидов, либо групп или изменение этого положения в системе координат, с помощью которых оно обозначается. Внимание сконцентрировано на социальных группах, находящихся в определенных отношениях друг к другу, каждая из них занимает свое положение в более широкой общности, которая выступает в качестве социального пространства для данной группы.

Субъекты, обладающие одинаковыми социальными статусами, имеют более тесные отношения друг с другом. Они идентифицируют себя именно с той социальной группой, к которой имеют принадлежность. Два субъекта, между которыми существуют имущественные, родственные, должностные различия, не могут находиться в одном социальном пространстве. Неоднородность и многомерность - это важные особенности социального пространства, т.к. в разных обществах человек может занимать различные статусы. В теории П. Сорокина важно признание

внеисторического, вневременного динамизма социальной стратификации - это постоянная структурная характеристика организованного общества, интегральный подход связывает два принципа: принцип структурной тождественности любого взаимодействия и принцип определяющей роли внутригрупповых различий и структур общества⁴.

Уточнение категории пространства оказывается необходимым в ситуации, определяемой одним из инициаторов внедрения такого подхода, П. Бурдьё, как колебания социальных наук между объективизмом и субъективизмом, или, что то же самое, физикализмом и психологизмом («который может приобретать феноменологические, семиологические окраски»).

Первая, структуралистская, традиция порождает дедуктивно строгие, верифицируемые, целостные теории, оказывающиеся, однако, неспособными давать значимые достоверные прогнозы социальных процессов, часто деградирующие к тавтологичности или опровергаемые практическим опытом. Вторая, феноменологическая, в крайнем выражении размывает грань между научным и интуитивным знанием. Структуралистское толкование является, пожалуй, наиболее распространенным, хотя при всех различиях, обусловленных спецификой первоначально предметного или структурного подхода, в конечном счете между ними оказывается возможно сближение.

Говоря о социальном пространстве в субстанциальном аспекте, логично рассматривать его структурные характеристики; положение человека в обществе, его социальные связи, привычки, стереотипы поведения теснейшим образом связаны с тем, какое место он занимает в структуре социального пространства. *Номинальные параметры* - гендерная, расовая, этническая, религиозная, профессиональная, культурная принадлежности. Они не предполагают обязательные и непосредственные связи между людьми и не раскрывают сущностную сторону связывающих людей отношений⁵.

Второе, феноменологическое, понимание пространства связано с релятивным направлением, здесь важны социальные значения; известные участникам взаимодействия, механизм трансформаций, динамического освоения, пространство идей и понятий, символов и смыслов, результат предыдущего освоения, рефлексии и практик. Если рассматривать социальное пространство с точки зрения его практического освоения, то необходимо начать с того, что пространство само по себе является одной из основополагающих ценностей общества, значимо для человека, так как его телесная сущность нуждается в пространстве, как месте своего непосредственного существования.

Пространство является одним из главных капиталов, обладание и доступность способов обладания которым выступают социально

---

⁴ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., Политиздат, 1992. С. 46.

⁵ Шкаратан О.И. Сергеев Н.В. Реальные группы в социальной структуре современной России // Куда идет Россия ?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2000. С.254.

значимыми статусными характеристиками. Пространство имеет свои символические и семантические значения, которые, с одной стороны, общеизвестны, с другой, меняются по мере развития этих значений и их значимости для оптимального функционирования системы. Освоение пространства - это участие в его структурировании, главным элементом которой является построение социальных взаимодействий, предполагающее использование коммуникативных, знаковых, смысловых социокодов, уже действующих при открытии жизненного мира.

Человек одновременно выражает общую позицию и реагирует на нее свойственным только ему особенным образом. Результатом этого процесса является расширение рамок жизненного пространства, представляющее собой основную тенденцию самоосуществления человека. С пространственной организацией связаны все сферы деятельности социального субъекта по получению различного рода информации, а когда человек находится в состоянии отсутствия ориентировочной когнитивной схемы, это ведет его к стрессовому состоянию. Главным условием получения информации, по их мнению, является движение, потому как оно задает цели уже на уровне произвольного восприятия. Когда человек перемещается, то воспринимаемые им объекты открываются своими невидимыми сторонами.

Чтобы преодолеть искусственную оппозицию структур и представлений надо порвать с субстанционалистским способом мышления, применить к социальному миру реляционный способ: помыслить не субстанции, а связи, полагает П. Бурдьё, подчеркивая, что изменение терминологии здесь одновременно и условие, и результат разрыва с обыденным представлением. В социальном пространстве агенты, занимающие сходные позиции, находятся в сходных условиях, имеют шансы производить сходные практики. Социальные дистанции вписаны в отношения к телу, языку, времени. Социальное пространство – не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем. Пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным, а физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений.

Анри Лефевр провел разделение между реальным и идеальным пространством. Реальное пространство отсылает к материальным феноменам, таким как здания, комнаты и мебель. Идеальное пространство более абстрактно и ссылается на различные формы социальных установок, формулируемые ментальными категориями, включающими, например, различные архитектурные стили и формы организации. Тюрьмы являются сложной социальной конструкцией, которая воплощает смешение реального и идеального пространства. Они одновременно материальны, функциональны и идеологичны.

Восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования: со стороны объективной, оно социально структурировано, поскольку

свойства, атрибутивные агентам и институциям, предстают в сочетаниях, имеющих неравную вероятность. Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания, в особенности те, что вписаны в язык, выражают отношения с символической властью. Социальные структуры по П.Бурдьё существуют одновременно как объективная реальность через распределение ресурсов, средств присвоения благ и ценностей, и как субъективная реальность, существующая в представлениях, схемах мышления и поведения, позициях и диспозициях агентов социального универсума.

Из этого следует, что в своих отношениях с окружающим миром социальный субъект придает ему соотносимую с собственными потребностями организованность, пространственно структурирует. В сущности, человек и социум являются продуктами собственной взаимодействия: посредством творимых нами репрезентаций мы трансформируем наши собственные формы восприятия и познания, способы видения и понимания. Пространство социологизируется, социальность натурализуется - это объяснение, по словам А.Ф. Филиппова, работает лишь для обозримого пространства и при отсутствии рефлексии. Назначение понятия «социальное пространство» по мысли Ю.Л. Качанова есть выявление и исследование идеи соотношения форм социальной деятельности и социальных отношений как субъект-объектных, которые предполагают единство субстанциального и социального бытия и значения. Важной для нас мыслью в его концепции является взаимосвязь и взаимообусловленность структурной организации общества и субъективных процессов индивидов.

Гетерогенность - это горизонтальная дифференциация, характеристика социального пространства, подчеркивающая разнородность социальных групп и категорий, не сравнимых по иерархическому принципу. Необходимо отметить, что высокий уровень гетерогенности в социальном целом, является причиной его дифференциации, проведения границ на основе номинальных параметров и основанием для усиления поддержания его целостности. Наличие горизонтальной дифференциации может оказывать на ранговые показатели существенное влияние, что отрицательно сказывается на взаимоотношениях людей.

Пространство не может оставаться нейтральным, оно устанавливает социальные различия, определяет и переопределяет поведение, обуславливает представления, обеспечивает основания для конструирования и распространения идеологии. Оно является механизмом, через который достигается распределение и циркуляция тел, осмысливает и определяет социальные отношения и, наконец, является механизмом, посредством которого реализуется закон.

Обратим внимание на конструирование по направлениям: неравномерное распределение социальных отношений в пространстве и времени; неравномерное распределение между социальными отношениями агентов принимают участие в одних и тех же отношениях; неравномерное

распределение символических капиталов между агентами создают дистанции и границы в конструировании социальных взаимодействий. Базируясь на микросоциологической методологии, Э. Гоффман чувством места называет состояние, ведущее при взаимодействиях одних к тому, чтобы держаться на своем месте скромно, а других - держать дистанцию, знать себе цену. Эти стратегии могут быть бессознательными и принимать формы застенчивости или высокомерия. Социальные *дистанции* вписаны в тело, его движения, язык, репрезентированы в пространстве.

Отношения близости и дальности в физическом пространстве, в социальном пространстве предстают как отношения *сходства и различия*. Примером этому может служить территориальная организация городов, их взаимоотношения с другими населенными пунктами. Жизненная среда города создает неравные возможности для участия во всех видах деятельности, реализации потребностей и интересов личности, у жителей села возможностей меньше, например, они имеют ограниченный доступ к образованию.

Городская сегрегация репрезентирует отношения господства-подчинения - существование престижных адресов, тяготение обладателей престижного капитала к центру, строительство загородных вилл - это примеры того, как господствующие классы заботятся о внушении своей позиции превосходства. Власть имеющие опосредуют свое поведение функциональными символами: повелительным голосом, личным кабинетом, наличием личного шофера - устанавливающими соответствующие дистанции между участниками взаимодействия. Статусно-ролевые коммуникации в целом организуются дистанциями и границами, которые могут иметь пространственные, символические или семантические презентации.

Несмотря на различные формы пространственной коммуникации, их необходимо рассматривать в совокупности, так как человек занимает в обществе не одно, а несколько положений и, следовательно, имеет различные контексты его коммуникационного пространственного освоения. Он имеет соответствующий принятым нормам способ поведения, который зависит от его позиции в обществе и того спектра ролей, которые задают ему его идентификации. Так, премьер-министр может быть заядлым туристом-бродягой, а лидер молодежной неформальной группировки обыкновенным студентом. Освоение социальных ролей - часть процесса социализации личности, условие вхождения в социальный инвайронмент, процесс активного усвоения индивидом социального опыта в общении и деятельности.

Изначальная структура и организованность социального пространства предопределены совокупностью социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых культурных образцов групповой жизни, представленных ценностями, институтами и системами ориентации и контроля (нормами, правилами поведения, обычаями, нравами, законами, привычками). А. Шюц утверждает, что каждый человек, рожденный и воспитанный в группе, принимает

стандартизированную схему культурного паттерна, вручаемого ему предками, учителями, авторитетами в качестве бесспорного руководства для ситуаций в социальном мире.

Мишель Фуко показал, что конструкцией, которая обеспечивает наиболее эффективную систему наблюдения и регулирования, является паноптикум, он обеспечивал идеальную структуру, т.к. стражник, помещенный в высокой центральной башне, мог осуществлять постоянное наблюдение всей тюрьмы. Узкие смотровые окна в башне не позволяли заключенным видеть охрану, и знать, в какой из моментов за ними действительно наблюдают. Благодаря этому Паноптикум преодолевает традиционную оппозицию принуждения и согласия. Позднее американские конструкции тюремного здания, отказавшись от разделения и изоляции, способствовали развитию социализации осужденных, их передвижению и активности. Распространение тюрем с отдельными блоками тесно связано с изменением представлений тюремной администрации о группах риска среди заключенных. Было очевидно, что отдельные блочные тюрьмы с маленькими коридорами облегчают управление и наблюдение и одновременно, улучшают условия содержания заключенных.

Таким образом, освоение социального пространства можно определить как социокультурные проекты, интегрированные на ценностно-нормативной основе общества, с другой стороны, как практики, детерминированные потребностями конкретной личности. Социальные институты и индивид находятся в процессе постоянного взаимодействия: с одной стороны, социальные институты поддерживаются сложившимися социальными практиками, определяя жизненный контекст отдельного индивида, с другой, индивидуальные преобразовательные стратегии, инновационный опыт индивидов, накапливаясь, приводит к изменению существующего институционального порядка⁶.

Это наглядно иллюстрируется эволюцией взаимодействия человека с пространством. Человек на протяжении онтогенеза взаимодействовал с пространством, придавая ему определенную организованность и смысл. Социокультурные проекты освоения пространства менялись в процессе эволюции символических и смысловых ресурсов по мере усложнения картины мира: совершенствовались или дополнялись новыми формами. Возможно по аналогии с эволюцией темпоральных представлений обозначить несколько проектов освоения пространственного контекста реальности: архаический, мифологический, античный, эсхатологический, целерациональный и формирующийся современный.

Историческая реконструкция всегда демонстрирует тщательный учет пространственно-временных границ, ведь теоретическое воспроизведение социальных событий прошлого возможно лишь в том случае, если

---

⁶ Черняева Т.И. Пространство личности и досуговая активность // Жизненное пространство России. Под ред. проф. В.Б. Устьянцева и проф. В.Б. Самсонова. - Саратов: Изд-во СГУ, 1999, - С.124.

исследование использует пространственные и временные координаты. Выделяют в историческом пространстве реальное историческое пространство, идеальное и теоретическое. Пространственно-временные факторы исторической реальности, считает он, принадлежат не просто действительности, а социальной действительности, подчиняются законам социальной формы существования материи. Реальное историческое время и реальное историческое пространство развиваются, усложняются, меняются с развитием общества. Они обременены всеми теми случайностями и отклонениями, которыми сопровождается развитие исторических процессов. Историческое пространство как разновидность социального пространства имеет, таким образом, конкретно-исторический характер и зависит от определенной социально-экономической формации.

Противоположная методологическая традиция (назовем ее плюралистической) опирается на произвольно выбранную исследователем систему методологических принципов в любых их сочетаниях. И если в первом случае мы видим идеологически-догматическую историю, корректируемую со сменой конкретных идеологических требований, с соответствующим представлением исторического пространства, то во втором случае – огромное количество историй и исторических пространств, что не кажется нам существенным недостатком исторической науки. Поскольку имеются тенденции формулировать концепции социального пространства, исходя из концепций, разработанных в архитектуре градостроительства, социологии города, то необходимо выяснить, в какой степени они соприкасаются с той, о которой идет речь. Пространственная подвижность является формой проявления социальной мобильности, которая, в свою очередь, является формой проявления социального пространства. При этом подвижность в физическом пространстве либо способствует, либо препятствует процессам социальной мобильности.

Чем больше перемещаются рабочие, чем интенсивнее их общение с внешним миром, тем явственнее ощущается ими ограниченность своих возможностей социального продвижения, потолок мобильности, задаваемый их классовым положением. Поэтому не интеграция, а усиление чувства отчужденности, рост оппозиционных настроений сопровождают такие перемещения. Все это, безусловно, должно привести в будущем к отказу от пожизненной прикреплённости человека к одному месту, одной работе, одному ритму, одной профессии. В целом же миграция, перемещения в пространстве определенных человеческих групп не только не нарушают закономерности истории как таковой, но и сами подчиняются определенным общим социальным законам, от которых зависят как причины и ход миграций, так и их результаты их последствия. Такова реальная диалектика исторического процесса, его внутренняя логика.

Неравномерность концентрации практической деятельности, ведущей к возникновению социально и территориально закрепленных различий, в какой-то степени неизбежна в развитии общества. На различных этапах истории можно наблюдать процессы, которые приводят

к большей или меньшей неравномерности в распределении по территории тех или иных социальных ценностей. Происходит поляризация. Это связано как с естественно-географическими, так и с социальными условиями. Но с другой стороны, глубинный характер процессов распределения объектов в пространстве как явления, присущего и природе, и обществу на всех этапах их развития, не поддается исчерпывающему теоретическому обобщению. В масштабе вселенной наблюдаются и процессы концентрации, и процессы рассеивания в пространстве. Видимо, это извечные, необходимые свойства движения материи.

В качестве признака социального пространства выступает также социальная соразмерность, причем формы ее проявления могут быть самыми различными. Социальная соразмерность имеет место во всех областях общественного развития. Она выражается в определенной пропорциональности и соответствии между разными структурными подразделениями как по горизонтали, так и по вертикали. К конкретным проявлениям соразмерности можно отнести такие процессы в обществе, как концентрация и деконцентрация науки и искусства, разделение социальных функций между центром и периферией общества, выделение различных регионов, развитие города и деревни.

Рассматривая процессы концентрации в обществе, историки прошлого века отмечали, что между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Это самая общая посылка для понимания сути процесса концентрации. Чтобы охарактеризовать поляризацию жизненных условий, по-видимому, недостаточно сравнивать только экономическую насыщенность территории – надо иметь в виду и насыщенность этой территории всей совокупностью социальных явлений.

Продуктивным оказывается рассмотрение пространственных форм как результата социальных интеракций, превращающих пустое и негативное пространство в нечто осмысленное и значимое. Этот подход Г. Зиммеля позволяет связывать социальное пространство с концепцией социальной эволюции и делать вывод, что основой разнообразия, тесноты социальных связей, консенсуса, социального приспособления является свобода передвижения, то есть рассматривать социальное действие в понятиях статики и динамики. Пространственная подвижность хотя и выступает формой проявления социального пространства, но, в свою очередь, зависит от социальной мобильности. Процессы, связанные с пространственной подвижностью и социальной мобильностью, далеко не равнозначны, а зачастую прямо противоположны.

Под социальной мобильностью в социологии понимается перемещение людей из одного слоя общества в другой, т.е. изменение прежде всего социального положения. Различают горизонтальную социальную мобильность, т.е. переход лица из одной социальной группы в другую, расположенную на том же социальном уровне, и вертикальную социальную мобильность, т.е. перемещение в другой социальный слой или

класс. Таким образом, социальная мобильность – это подвижность социальных групп в общественной структуре. Всеобщие признаки пространства (структурность, мерность, объективность), безусловно, приложимы и к социальному пространству, но проявляются здесь по-особому. Конкретизация всеобщих признаков социального пространства должна проводиться с учетом специфики социальной формы движения. Одним из проявлений такого движения является наличие так называемой социальной дистанции.

Социальную дистанцию следует понимать как дистанцию между классами, социальными группами, личностями в социальной структуре общества, в системе общественных отношений, т.е. как социально-пространственное разделение, дифференциацию, которая не тождественна социальным различиям, но связана с ними. Конечно, такая интерпретация социальной дистанции фиксирует лишь некоторые моменты сложной природы отношений между соответствующими элементами социальной системы. Допустимо и более широкое понимание, когда учитываются и психологические отношения между индивидами либо социальными группами.

С точки зрения системной теории коммуникация является основополагающей структурной единицей организации социума. Отдельный коммуникативный акт включается в сеть других коммуникативных актов, образуя интеграционную сеть, верно выбранное устройство пространства способствует улучшению коммуникации и позволяет легче перемещаться и эффективнее использовать время. Эффективное использование пространства может, согласно Мишелю Фуко, исключить ошибки в распределении, бесконтрольном исчезновении индивидов, их диффузную циркуляцию, и необычную и опасную коагуляцию. Та же самая пространственная логика исторически соотносится с другими институтами, такими как школа и госпиталь.

В тюремной архитектуре в Европе XIX столетия господствовал лучевой стиль. Казалось, что эта конструкция из нескольких крыльев, расходящихся из центральной точки, больше всего подходила для разделения заключенных на группы, помещенные в соответствующие крылья, и одновременно, позволяла контролировать и координировать размещение из стержневой точки. Таким образом, пока осужденные проводили все время в камерах, один офицер мог, находясь в центре, наблюдать за каждым отдельным крылом по очереди, просто поворачиваясь на 180 градусов.

Пространственная изоляция, включающая одиночное заключение, приводила к серии негативных воздействий на тех, кто был отделен от остального общества. Полная изоляция в тюрьме вызвала высокий уровень смертности, случаев безумия и суицида. Хотя система одиночного заключения, в конце концов, потеряла актуальность, лучевой стиль большинства викторианских тюрем продолжали использовать. Тенденция к созданию нескольких помещений, включающих относительно небольшое число заключенных, привела к развитию модели контейнера, в которой

тюрьмы включали несколько строений, имеющих выход на центральную многофункциональную площадку, позволяющую охране проводить наблюдение. Это новое поколение тюрем, как их часто называли, расширило принципы классификации заключенных и соответствовало применению децентрализованной системы управления, нацеленной на уменьшение персонала, и более эффективное перемещение заключенных внутри и между зданиями.

Новое поколение тюрем подразумевает предоставление крова и общения, а не трудовую повинность. Здесь менее заметны традиционные камеры, решетки и двери и больше подчеркиваются циркуляция и передвижение. Они включают переход к нормализации и усиленному наблюдению. Таким образом, все эти конструкции исторически отражают изменение целей заключения, и демонстрируют, как пространство использовалось в различные периоды. Их последовательное использование доказывает, что пространственное разделение в тюрьме обусловлено развитием теорий о сущности человеческой природы, форм классификации, практик управления и принципов контроля и надзора. Тот факт, что различные тюремные конструкции отражали общественные отношения и позиции, которые определяли их появление в различные периоды, в результате привел к несоответствию между тем, что тюрьмы планировали достичь и теми методами, которые они для этого использовали.

Социологический фокус на исследовании пространства, как инструмента для производства порядка и облегчения контроля внутри тюрем, привлек внимание к относительно неуловимому, но эффективному способу, которым достигается социальное регулирование. Так же как в других сферах ежедневной жизни, наиболее эффективные формы регуляции в тюрьмах стремятся быть менее заметными и менее драматичными. Открытые формы принуждения и жестокости, хотя и не исчезли в тюрьме, всегда несут опасность роста сопротивления. В последние годы большинство криминологов приходит к выводу, что пространственные формы контроля являются более неуловимыми, менее спорными и часто более эффективными способами регулирования различного населения. Это не доказывает, что пространственное разделение не является спорным, или что формам пространственного контроля нельзя противостоять. В основании факта, что бунты в тюрьмах направлены на захват центрального пространства и перераспределения его использования, лежит представление о том, что пространственный контроль является ключевым в осуществлении власти.

Социализация и культурная идентификация субъекта осуществляется в процессе его непрерывного взаимодействия с окружающей средой, которая является носителем и пространственным репрезентантом социокультурных норм и ценностей общества. Повседневное социальное пространство формирует определенные образцы поведения, взаимодействия с другими людьми, конструируя представления субъекта о социальном пространстве, его структуре и собственно месте субъекта в этой структуре.

Можно провести параллели с понятиями *стиль жизни* З.Баумана и *образ жизни* М.Вебера. От всех, кто претендует принадлежать к определенному кругу, ожидается особый образ жизни, он накладывает ограничения на взаимодействия, которые не связаны с достижениями общей цели. Люди одной группы выбирают друг друга в качестве партнеров по коммуникации. В конечном итоге это приводит к образованию некоего образца и подчинения ему членов группы, основой такой сегрегации является общий интерес. Условия существования социальной группы как интегрированной целостности:

закрепление за группой некой совокупности капиталов, выступающей в качестве средств воспроизводства;

привязка посредством социализации, интериоризации, внушения этих агентов к хабитусу и стилю жизни;

объяснение социальной группы как практической, в состоянии самосохранения и воспроизводства.

Жизненный смысл понимается как система индексов адекватности интеграции личности в *жизненное пространство и время*. Существование обесмысливается рассогласованием индивидуальных ценностей и объективных характеристик реальности, и обретает тотальный смысл, когда внутренняя структура личности и структура жизненного пространства обладают изоморфностью.

Социальный аспект пространственных позиций индивида является определяющим, социально-культурные смыслы структурируют любую ситуацию, воплощаясь в пространственно-временных феноменах, составляющих повседневную экзистенцию индивида. Общественная жизнь, на каком бы уровне она ни существовала, соответствующим образом пространственно организована. Пространственная организация должна рассматриваться в качестве составной части социальной организации. Общество не может нормально функционировать, не скоординировав свою деятельность, которая протекает в географическом, физическом и других пространствах, с точки зрения пространственных связей и отношений.

В социологическом понимании расселение населения – это социально-пространственная форма организации общества. Экономисты понимают эту категорию в основном как форму территориальной организации производства, а демографический контекст подразумевает распределение населения на территории обитания. Возможности и направления изучения расселения определяются тем, в какой системе (общество, город, производительные силы, народонаселение) оно рассматривается. Расселение называют первым звеном в иерархической системе градостроительства, началом всех начал, это емкое понятие, оно отражает и сеть поселений, и функциональные взаимосвязи этой сети, которые позволяют рассматривать ее как определенную структуру. Важнейшие элементы расселения – материальные формы и типы поселений. На их развитие влияют такие условия, как производство, естественные ресурсы, транспорт. Производство и типы поселений,

транспорт и специфика форм расселения организуют типы связей, которые включаются в модели распределения населения, но могут носить и непосредственный характер.

Должно быть соблюдено единство: расселение – производство – инфраструктура. Ведь если рассматривать пространственную структурную организацию в масштабах общества как единого социального организма, то она представляет сложный комплекс и складывается из различных показателей реального процесса жизнедеятельности. Несмотря на специфичность архитектуры как материально-пространственной среды, структуры социальных процессов, архитектурное пространство – это в первую очередь специально организованное, целесообразно упорядоченное реальное пространство, оно зависит от характеристик естественного пространства. Жизненное пространство имеет характерный центр, который определяется местом, занимаемым человеком; во-вторых, оно имеет осевую систему, связанную с выпрямленной фигурой человека; в-третьих, из одной области в другую нет строго ограниченных переходов.

Социологи пришли к выводу, что реализация концепций демократического общества тесно связана с демократизацией пространства, равного и доступного для всех членов общества. Пространство должно быть организовано таким образом, чтобы люди, проживающие на данной территории, имели гарантированные условия для удовлетворения своих потребностей и возможность всестороннего развития личности. Но организация пространства общества зависит прежде всего от социальных программ, которыми руководствуются люди. Поэтому социальные процессы первичны по отношению к социальному пространству, формируют его структуру.

Современная урбанизация является мощным стимулом ломки традиционных форм социальной организации. Поиски новых форм пространственной организации основных жизненных процессов всегда будут одной из серьезных задач как в настоящем, так и в будущем. Уже сегодня специалисты, занимающиеся этой проблемой, отмечают неудовлетворенность людей сложившимися пространственными связями и отношениями, о чем свидетельствуют попытки новых пространственных решений современных городов и региональных территориально-производственных комплексов. Нарастающая в условиях реформ сложность социального организма и соответственно постоянное усложнение пространственных структур уже не позволяют говорить о локализации общественных процессов в каких-то жестких территориально-пространственных границах.

При всем этом характер пространственной организации будет определяться особенностями структурных уровней тех или иных объектов, их назначением и целями, которым они служат. Критерии здесь могут быть самые различные. Например, одним из таких критериев может выступать воспроизводство рабочей силы.

Несмотря на важную роль различных урбанистских, градостроительных и других концепций, которые могут дать

определенный материал для понимания социального пространства, если рассматривать его социально-информационные, функциональные и коммуникативные стороны, нельзя отождествлять с ними социальное пространство. Как бы ни были безукоризненны специальные исследования, они не в состоянии дать общей картины, а раскрывают лишь какую-то одну сторону социального пространства и поэтому носят частный характер. Простое суммирование различных аспектов пространственной организации общественной жизни не дает знания о пространстве как форме социального бытия.

Классификация видов деятельности и бюджета времени в некоторых концепциях социального пространства используется в качестве основы понимания сущности социального пространства. Привязав социальное пространство к месту, которое напоминает какое-то вместилище, лишаются возможности раскрыть богатство содержания категории социального пространства. При горизонтальном структурировании социального пространства мы вынуждены прийти к признанию производственного пространства, пространства досуга, пространства семьи. Часто социальное пространство сводится к вместилищам деятельности, его структура социального пространства близка к структуре, которая широко принята в концепциях архитектуры и градостроительства. В ней различаются производственные зоны, зоны поселений, зоны отдыха. Критерием является соответствие пространства виду деятельности, у архитекторов и градостроителей – соответствие месту ее осуществления. Конечно, так называемые производственное пространство, пространство досуга, семьи и другие можно и нужно различать и выделять, но трактуя их как формы существования соответствующих отношений, а не как некие локализации, места проявления этих отношений.

Часто социальное пространство сводится к обобществленной территории (города, предприятия), на которой локализована социальная деятельность определенной общности людей и которая представляет собой сферу взаимодействия общества и природы. Поэтому при анализе управления пространственными структурами в качестве исходных можно использовать понятия упорядоченности пространственной структуры и ее соответствия структуре общества. Следовательно, изменения пространственных структур обусловлены сдвигами в социальной структуре общества.

На протяжении всего жизненного цикла идет процесс освоения этих структур. В распоряжении социального субъекта находятся ресурсы социального мира, которые дают ему ориентиры, осваивая их, он ощущает свою пространственно-временную идентичность, потому как вынужден ориентироваться уже в не просто окружающем мире, а в созданном коллективными усилиями идеальном пространстве.

Существование общества в виде социальной реальности дает основание рассматривать его как непрерывный топохронологический процесс, включающий три момента: экстернализацию, объективацию и интериоризацию, эти процессы не последовательны, а происходят

одновременно, взаимно дополняя друг друга. П.Бергер и Т.Лукман утверждали, что быть в обществе - значит участвовать в его динамике.

Проект социального времени

Преодоление одностороннего толкования времени, происходящее на уровне физикалистских концепций или философского обобщения, гораздо труднее проходит на уровне обычного языка и обыденного сознания. Ход исторического времени отличается от природных ритмов времени, так как историческая эпоха может быть короче или длиннее в астрономическом измерении, густо, либо, наоборот, слабо насыщена историческими событиями. Подобно этому в специальной теории относительности описываются явления дилатации, то есть уплотнения или разрежения времени, его убыстрения или замедления в зависимости от скорости движения данной системы отсчета.

Добавим, что исторический факт обязательно помещается на оси исторического времени: факт считается историческим, если он определен не только в пространственной локализации, но и во временной системе отсчета. Факт помещается в четвертое, временное измерение путем отсчёта его удаленности от настоящего момента. Хотя, разумеется, хронологическая удаленность исторического события не равнозначна размещению этого события в историческом времени.

Нельзя сбрасывать со счёта активность и в этом смысле действительность времени не только как формы, но и ресурса социальных практик, эволюции культур и человеческого существования. Это не означает возврата к представлению о времени как абсолютно самостоятельном и персонифицированном, активно действующем феномене, либо в смысле его механического воздействия на социальные системы, когда процессы в природе идут якобы с выделением, либо с поглощением времени. Гюйо отмечал, что времени в его культурно-исторической эволюции часто приписывали всемогущество, объявляли существенным фактором эволюции и прогресса, обращая при этом само время в некую мистическую реальность, долженствующую заменить устаревшую концепцию провидения.

Физическое время является сроком, используемым для выполнения определенных задач, и измеряется в основном в терминах действий и телесного опыта. Это связано с биологическими ритмами и природными изменениями, включенными в сезонные изменения. Социальное время включает постоянное движение между прошлым, настоящим и будущим. Несмотря на сложность процесса, конструирование социального времени является ежедневной деятельностью, посредством которой индивиды пытаются понять процесс изменения. В развитии общества, историческое прошлое и будущее создаются не сами по себе, а в соответствии с настоящим, которое также нуждается в истории как средстве своего осознания. Фокусом исторического рассмотрения не должно быть исключительно лишь настоящее. Одно из важных отличий социального

времени от времени природы заключается в его ценностном характере. Но и природное время, рассматриваемое сквозь призму социума, должно быть раскрыто с позиций его ценности для человека.

Для большинства людей история и социальные изменения являются силами, способными разрушить их жизнь. Отношение к истории, окружающему миру у них двойственное, ибо пространство распадается на две части: пространство дома, где существуют действительные ценности, и весь остальной мир, в котором царит хаос. В обыденной жизни человек постоянно имеет дело со временем, эмпирический уровень практики наводит на мысль о бытии как непрерывном потоке событий, процессов, изменений. Для осознания идеи времени необходимо мысленно остановить бег времени, зафиксировать в сознании, что достигается посредством слова.

Этимология времени восходит к индоевропейской основе, означавшей путь, колесо, след колеса, заимствовано из старославянского - время, пора, погода. Первоначальное значение общеславянского слова время не выражало чистой идеи времени, а обозначало нечто вращающееся, нечто возвращающееся в прежнее положение, славяне употребляли для выражения общего понятия времени слова доба (индо-европейский. корень - быть удобным, подходить), год и час, временное значение выражалось словом рок, оно обозначало и срок, и год, и судьбу.

В истории языка прослеживается семантическая связь слов, выражающих причинные отношения и пространственно-временное значение, процесс их формирования происходил в тесной генетической связи с формированием категорий движения, пространства и времени. Существование общего концепта движения, в котором пространственные, временные, причинные отношения долгое время остаются нерасчлененными и затем сохраняют семантические связи, хорошо видны в анализе союзов, предлогов и наречий различных языков мира, обладающих единством выражения пространственных, временных и причинных значений.

Во многих языках значение слова век развивается из первоначального значения жизненная сила. В итало-кельтских языках век понимается как время человеческой жизни, в латинском языке это слово зафиксировано уже как термин культа, обозначая период, совпадающий с веком человека, рожденного во время основания города. Время жизни человека, приуроченное к времени основания города, становится мифологическим временем, с соответствующими церемониями и обрядами - впоследствии на этой связи времени человеческой жизни с основанием и функционированием города (по существу социума) родилось значение поколения, а с другой стороны - столетия.

Тем же путем развивалось понятие возраст. Первоначальное значение понятий годы или время отсутствовало - возраст понимался как рост, сила, а первоначальное значение рост в слав. и др.-инд. языках идентично и восходит к индо-европейскому корню *al*, обозначавшему в переходных глаголах все виды деятельности, связанные с доведением детеныша до зрелого возраста, а в непереходных - расти.

Следующий и главный источник образования представления о времени - сам процесс трудовой деятельности, прежде всего деятельности измерительной. Измерение - важнейшая функция психики - составляет основу любой жизнедеятельности, а целенаправленная деятельность человека невозможна без предварительного и оперативного планирования на основе измерительных процедур. Именно усложнение этой функции приводит к возникновению нового функционального органа движения живого - психики, которая переводит внешний план движения во внутренний.

Влияние измерительных процедур на образование понятия времени прослеживается в семантической модели нарезка - время, которую предложил шведский ученый Г.Якобсен, показав механизм образования слова время из обозначения измерительной процедуры нарезки. Обобщив толкование слова время, он пришел к выводу, что семантико-этимологические исследования славянского *časъ* могут быть по-настоящему продуктивными лишь в процессе разрешения более общей проблемы возникновения понятия времени вообще. Нужно установить общие принципы возникновения и эволюции понятия. Вопрос должен охватывать человеческое творчество в целом, не исходя из каких-нибудь определенных языковых или культурных сфер.

Проведя анализ этнографических данных, Г.Якобсен пришел к выводу, что происхождение понятия времени нужно искать в связи со способами измерения времени. Наиболее распространенным является способ отмечать различные моменты времени нарезками, который особенное развитие получает в результате применения бирок. Ясного понимания понятия времени еще не было, но достигнутое составило основу дальнейшего осмысления. Общего названия еще нет - перечисление конкретных событий заменяет абстрактное понятие, к нему находится конкретная параллель - нарезка. Она представляет день, месяц или луну, солнце, время года, год, вообще момент времени. Нарезка охватывает каждый момент времени в отдельности и выступает общим знаменателем различных моментов времени, становится его символом, получает значение понятия времени.

Наиболее полно отражает семантическое поле времени целый комплекс его значений разного уровня. Во-первых, время выступает как категория в научной, художественной литературе и устной речи в виде деятельной, антропоморфной субстанции, активно участвующей в повседневной жизни. Другое значение времени - статическая сущность, осознаваемая как некая пассивная субстанция, этот вариант означает уподобление времени пространству, это так называемая *специализация*, в результате время может выступать в образе нити, линии, стрелы, петли.

Следующее значение - отрезок, определённая часть года, суток; срок, отпущенный кому-либо; отрезок свободного времени; отрезок как момент; отрезок времени, выделяемый по качественному критерию. Наконец, - обозначение порядка следования событий, которое используется в повседневной жизни, научном знании. Это математическое,

релятивистское, космическое, геологическое время. Используется слово время и для обозначения на этой шкале наиболее благоприятной точки совершения действия, обозначения времени как грамматической категории.

Время предстает перед нами как единство прошлого, настоящего и будущего - тернарная структура. Данная структура является социально нормативной в логическом и языковом отношении, и мы обнаруживаем соответствующие средства выражения в языке. В этом смысле будущее так же реально, как прошлое или настоящее, но независимо от этого разделение времени на модусы не представляет собой объективного свойства времени. Это справедливо для психологического времени, так как деление времени на основе настоящего зависит от существования воспринимающего лица.

Такая позиция подтверждается и лингвистическими данными. Темпоральная ситуация является эгоцентрической, так как говорящий относит все к ситуации я - здесь - теперь, что определяется местом говорящего и моментом говорения. Принято считать, что события могут реализовать время двумя путями: 1) динамическим - когда события в прошлом, настоящем и будущем постоянно изменяются и переходят одно в другое и 2) статическим - когда события обладают постоянным статусом, но относятся сначала к будущему, потом становятся настоящим, а затем - прошедшим. Это различие связано с разными подходами к становлению и роли в этом вербального времени. Но в лингвистическом плане события имеют абсолютную темпоральную отнесенность, а говорящий субъективно относит их к настоящему моменту речи. Иначе говоря, лингвистическая конструкция отражает практику и правила социального взаимодействия и позицию в нем человека.

Для говорящего его субъективное время важнее, чем абсолютное время события. Дети обычно свободно владеют системой во временных терминах и узнают наречия времени прежде, чем они овладеют абсолютной системой в терминах календарного и часового времени. Данная темпоральная ориентация является универсальной. Таким образом, за исходной бинарной оппозицией «прошедшее / настоящее» обнаруживается фундаментальная темпоральность «теперь», которая имеет не только лингвистическое, но мыслительное содержание. Акт мышления является событием и определяет положение во времени.

Через понятие теперь любая мысль может стать точкой отсчета, так как в ней происходит фокусировка многообразных представлений и впечатлений. Такое свойство мысли обусловлено категорией времени и реализуется в предложениях, содержащих глагол как указательно-рефлексивный закон времени события. То, что понятие времени изначально было связано с восприятием не только природных, но и социальных ритмов жизни, подтверждается попытками дать определение данной категории в словарях и энциклопедиях, которые отражают историю познания темпоральности в нормативных не только для языка, но и для мышления, общества представлениях. В древнеиндийской «Амаракоше»

астрономические понятия времени связаны с категориями счастья, судьбы, характера, что восходит к мифологической концепции времени-судьбы.

У Поллукса тема времени разделяется на онтологию (созидание и разрушение, понятие провидения - социокосмическая необходимость-судьба) и антропологию (человек, возрастные отличия, рождение человека). В философском словаре Луллия время представлено как длительность, атрибут неба и бога, что вообще характерно для категории времени в античности.

В дальнейшем происходит отчленения темы человека от темы времени и последующая абсолютизация времени в эпоху классической механики. Время больше становится онтологической категорией бытия природы, выделяемой в ряду других абстрактных отношений, где миру человека не находится достойного места. В толковых словарях можно зафиксировать нормативные определения понятия времени, сферы его применения и динамику их изменения.

В словаре В.Даля время представлено как длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками. Приведены различные пословицы, выражающие отношение человека ко времени, например, время летит, время за нами, время перед нами, а при нас его нет. Примечательно обращение к пословицам, содержащим понятие времени, охвачен широкий круг значений времени. Здесь и астрономический аспект - время года, суток, погода, и психологическая рефлексия необратимости времени (время красит, безвременье старит; время лечит). Присутствует и социология: время деньгу дает, время делу и потехе час, указывается связь времени с измерительными процедурами, хронологией, историей.

Русский энциклопедический словарь И.Н.Березина определяет время как измеренную долю вечности в астрономическом плане и как время года. Слово время связывается с погодой, состоянием воздуха, земным существованием, благоденствием, счастьем. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона определяет время как основное условие всякого конечного существования, внутреннего и внешнего опыта, дискурсивного мышления, время не допускает ни эмпирического объяснения, ни рационального определения его сущности.

Социологическая интерпретация времени практически отсутствует, зато изложение философских и психологических взглядов занимает главное место в толковых словарях, хотя не совсем точно достигается цель словаря - дать не только понятие о времени, но и круг его значений в словоупотреблении, его этимологию, связав их с семантическим ядром понятия времени. В Большой энциклопедии указывается, что эти представления необходимы, когда речь идёт о различном круге явлений: пространство и время при знакомстве с явлениями внешней природы, время - с душевными процессами. Понимание времени и пространства как вместительности мировых событий характеризуется как наивное и ненаучное.

Энциклопедический словарь (1912) излагает воззрения на время в психологии и теории познания, описывая взгляды Августина, Канта, Гербарта, Джемса, Вундта, Бергсона, Челпанова. Упоминаются время грамматическое и юридическое, времена года, время в астрономии. Русская энциклопедия (1913) рассматривает время в астрономии, в музыке, в философии и психологии. В последнем случае время определяется как всеобщая форма наших переживаний, в которых мы представляем события внешнего или внутреннего мира в виде последовательности или сосуществования.

В советское время произошла переориентация научного знания, что отразилось в статьях словарей, посвящённых времени. Так, БСЭ (1929) определяет время как условие всякого бытия, отражает историко-философскую дискуссию по проблеме времени и психологический аспект вопроса, что совершенно опускается в изданиях 1951 и 1971 годов, где дается лишь критика Канта и Маха. В Философской энциклопедии (1967) точки зрения на время изложены подробно, но в БСЭ (1971) чётко доминирует ориентация на его физическую форму, сциентистская тенденция. Физический энциклопедический словарь (1983) не отошёл от традиции определения времени как порядка смены явлений, хотя были введены дополнения, но и с такими дополнениями невозможно было дать представление о его социальном аспекте.

Культурно-историческая проблематика времени, включая психологический и художественный аспекты, долгое время разрабатывалась только в рамках литературоведения, что отразилось в литературных энциклопедиях. Такая ситуация не позволяла прямо ввести в практику научного анализа категорию социального времени, но косвенно этому способствовала, так как художественная реальность отражает и выражает социальные процессы и сама по себе является продуктом социального конструирования. Литературная энциклопедия (1929) определяет время как основную и непрерывную предпосылку сюжетного развёртывания, организующую поэтическую структуру и влияющую на тематику произведения. Краткая литературная энциклопедия (1978) даёт определение художественного времени и пространства, понимая их как «важнейшие характеристики художественного образа, организующие композицию произведения и обеспечивающих его восприятие как целостной и самобытной художественной действительности».

Эта тема, связующая нас с социальным аспектом времени, продолжается в энциклопедии «Мифы народов мира», где мифическое время определяется в текстах мифологий как «начальное», «правремя», предшествующее эмпирическому (историческому) «профанному» времени. Мифологическое время объясняет устройство вселенной, регулирует жизнь социума через календарь - систему «счисления временных промежутков в мифологии и один из способов освоения мифологическим сознанием природных явлений». Таким образом, за исключением анализа литературно-художественного и мифологического аспектов времени, его социальная проблематика не рассматривается словарями тех лет. Философский

словарь (1980) даёт традиционную интерпретацию физических представлений о времени. Философский энциклопедический словарь (1983) также следует этой схеме, хотя и вводит понятие времени системы, которое открывает дорогу исследованию биоритмов, временных отношений общества.

Как мы видим, кроме некоторого допущения в период либерализации введения различных форм времени, отмечающих специфику системного подхода, за советский период сдвигов в понимании времени в нормативных системах знания не произошло. Несмотря на сложившуюся в научной литературе традицию использования понятий биологического, психологического, социального времени, полученные в рамках этого подхода результаты не получили сколько-нибудь существенного отражения в словарях и энциклопедиях того периода.

Данный факт свидетельствует о том, что концепция времени имеет нормативный характер, отражаясь в значимых для сознания культуры и общества определениях, транслируемых словарями и энциклопедиями. Можно говорить о существовании парадигмы темпоральности в советский период, которая игнорировала её социальную интерпретацию. И это было результатом не только идеологического давления со стороны догматически воспринятого марксизма, но и отражением господства редукционизма и сциентизма в понимании времени, при котором даже элементы теории Маркса (концепция времени как пространства человеческого развития), которые не вписывались в существовавшую парадигму, исключались из нормативной трансляции. Иначе говоря, редукционизм и сциентизм в понимании темпоральности в советский период были основополагающими чертами научного сознания, отражая господствующие культурные стереотипы.

Указанные недостатки дефиниции времени пагубно сказались на восприятии целостности спектра значений времени, в результате чего оно подавалось с физикалистических позиций. Однако идея времени имеет своим источником всю сферу многообразной деятельности человека и не может быть выражена только с помощью понятия физического времени, которое само есть продукт жизненного опыта человека.

За последний период ситуация в нормативных определениях времени изменилась, что свидетельствует о ломке сложившихся стереотипов как в научном сознании, так и культуре. «Современная философия: словарь и хрестоматия» (1995) даёт нам определение времени как всеобщей формы бытия, выражающей длительность и последовательность событий мира. «Свойства времени определяются характером и уровнем материального движения, в соответствии с чем правомерно различать физическое, биологическое, социальное, художественное и т.д. время. Отражением объективного времени является субъективное время (время осознания и переживания человеком реальных событий и процессов). Трёх модусам времени (прошлое, настоящее, будущее) соответствуют три состояния сознания: память, созерцание, творчество». В данном определении сосуществуют фрагменты различных парадигм в понимании времени, но

их спектр достаточно широк, в частности, приводятся различные толкования времени в буддизме, русской религиозной философии.

Словарь-справочник «Человек и общество» (1996) также определяет время как объективную форму существования материи, выражающую длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире. Приводятся представления времени в истории философии и естествознании, указывается на существование собственного времени материальных систем и наличие понятий специфических времен: биологического, физиологического, геологического, исторического, социального и других его форм. Большое внимание уделено социальному времени, которое определяется как выражающее отношения между длительностями и последовательностями социальных событий и процессов. Необходимость введения понятия социального времени обусловлена спецификой социальной реальности: в ней действует преследующий свои цели человек. В обществе существует тесная связь восприятия времени с жизнедеятельностью человека. Указывается тот факт, что современная социальная теория только недавно начала учитывать временной фактор социальной жизни и подробно разбираются три характеристики социального времени: включённость, стратификация и синхронность. Данное описание темпоральности повторяет некоторые элементы традиционных определений, но акцентирует наше внимание на социальном значении времени, вводя его в круг нормативных представлений.

Данную тенденцию подтверждает интерес, обнаруживаемый к разновидности социального времени - политическому времени. «Краткий энциклопедический словарь-справочник. Политология» (1997) даёт его определение: «Политические отношения существуют как развёртывающийся процесс и анализ включения личности в политику, предполагает использование категории времени. В политической сфере возникает своё историческое время политики; ... сознание политика тоже имеет свои временные особенности».

Таким образом, современные нормативные определения времени демонстрируют нам изменение сложившихся установок научного сознания и движение в сторону социальной, гуманитарной в целом интерпретации темпоральности, что отражает общую тенденцию в культуре, связанную с отказом от позиции редукционизма и сциентизма в пользу восстановления исходной целостности понимания человеческого бытия как времени.

В этой связи примечателен тот факт, что даже в учебнике «Естествознание» (1996) приводятся подробные характеристики понятий биологического, психологического и социального времени. Такая ориентация показывает возросшую открытость нашей науки и культуры человеческому характеру времени. Понятно, что за реальностью форм времени в языке скрывается реальность самого времени, а процессу выделения субъекта в грамматической структуре соответствует развитие деятельности человека, изменяющей его положение в мире. Р. и М. Браунгард рассматривают основные тенденции политики жизненного

курса и политики поколений, проверяют пригодность того или иного анализа для их исследования. Сами же авторы предлагают интерактивный подход, применяя следующие методы анализа: кросс-культурный, временной ряд, лонгитюдный и возрастно-когортный.

Потребление времени и его отличие от процессов потребления пространства содержит ключ к глубочайшим трансформациям ежедневной социальной жизни. Линейное время становится основной чертой современности, поддерживая представления о прогрессе и возможности индивидуальной трансформации. Эти два представления, в свою очередь, связаны с концепцией тюрьмы, как механизма по исправлению преступников.

В качестве института, принудительно лишаящего свободы на определенный период времени, тюрьма воспринимается как «естественная» форма наказания. Несколько факторов привели к распространению подобного понимания. Во-первых, важным атрибутом этой модели наказания было то, что она универсальна для каждого индивида. Временем и свободой все граждане, и бедные, и богатые, обладают в равной степени. Поэтому разумно назначение для тех, кто преступил закон, такой формы наказания, которая была бы равной для всех.

Вторым важным атрибутом наказаний, основанных на времени, является то, что их объективность и твердость не опирались на те формы наказания, что широко использовались в Средние Века, такие как стыд и раскаяние. Третий атрибут наказаний, основанных на времени, связан с тем, что, являясь социальным конструктом, время придает заключению подлинно социальную характеристику. Наконец, четвертый атрибут наказаний состоит в следующем — так как время становится продуктом потребления, его можно продавать, приобретать, терять; т.е. период отбывания срока регулируется и связан с выполнением заключенными своих обязанностей. Хорошее поведение, усиленный труд и исправление в принципе могут быть использованы для уменьшения сроков, досрочного освобождения, амнистии, помилования.

На самом деле время в тюрьме не является тем же самым временем, что и на свободе. Институциональное заключение изменяет способ переживания времени. Отбывание срока не столько тратится, сколько расточается. Процесс тюремного заключения подразумевает не столько трансформацию и перераспределение времени, сколько его негативацию. Индивидуальное устранение из сфер занятости и рынков труда — принципиальных областей жизненного времени, одновременное устранение из своих семей и круга общения не позволяют тратить свободное время. И хотя в основе заключения лежит время, оно воспринимается как форма бесконечности, в тюремной лексике жизнь часто описывается в терминах отсидживать или убивать время. Это парадоксальное отношение между временем и тюремным заключением объясняется в некоторой степени идентификацией различных форм времени, которые переживаются и в тюрьме, и в свободном обществе. И

здесь так же важно различие между физическим, психическим и социальным временем.

В тюремном окружении на ежедневные ритмы тела часто влияют изменения ежедневного распорядка, тогда как сезонные изменения менее заметны и значимы. Психическое время или «внутреннее» время отсылает к процессам мышления или воображения. Это субъективные процессы, которые тюремные реформаторы XIX века критически воспринимали по отношению к процессам самоанализа и персонального исправления. Но, как показал опыт одиночного заключения, увлечение самоанализом может привести к депрессии, безумию и суициду скорее, чем к исправлению.

Для заключенного, в связи с тем, что настоящее приостановлено, способность связывать прошлое и будущее ограничена, потеряна значимость времени. Для некоторых заключенных, отбывающих долгий срок, для которых будущее представляется непознаваемой и ужасающей перспективой, время сводится к продолжающемуся настоящему и, поэтому, нуждается в собственной хронологии. Этим заключенным угрожает потеря смысла личного развития и целеустремленности.

К основной черте тюремной жизни относится режим, обеспечивающий регулярную программу действий и временного распорядка дня. Режим является, по сути, негативным и ограничивающим планом, созданным в первую очередь для искоренения праздности. Современная система дисциплины требует форм регулирования, которые были бы позитивными и включали побуждения и стимулы. Для Фуко тюрьма это не столько институт наказания, сколько структура по производству дисциплины, скорости и эффективности. Цель пенитенциарного института заключается в использовании времени, извлечения из каждого часа и момента максимума полезности.

Время человека

Идея времени общества, превращенная в социологическую категорию, анализируется не только в качестве атрибутивного свойства социальной реальности, формы социального, производственного и историко-культурного бытия, но и в контексте личного существования, социальной идентичности, индивидуальности и нравственности. Первичная оценка индивидуального времени соотносит его с природными ритмами, раскрывает экологическое и генетическое значение биоритмов, их влияние на психику и физическое здоровье человека.

С высоты осознания жизненного пути личность оценивает необратимость времени, воздействие на становление новых творческих форм, культурного капитала и социального статуса. В силу своей уникальности человек воспринимает мир избирательно, пристрастно, его внутренний мир организован в индивидуальных формах времени. Если объективные формы времени включают биологические, физические, социальные ритмы деятельности, этапы жизненного цикла, то субъективные формы связаны с уровнями рефлексии и переживания времени человека.

Социальная природа времени открывает возможность существования особого внутреннего мира личности, укорененного в психологическом времени человека. Первый уровень времени человека — психологическое время индивида, сенсорное, а также время на уровне сознания, связанное с этажами внутренней речи. Это—система осознанных и неосознанных физиологических ритмов, сопряженных с природными формами времени, темпоральные характеристики психической деятельности—интуиции, эмоций, воображения. В этой структуре синтезируются биологические и психические ритмы: функционирование клеток, последовательность сенсорно - перцептивных процессов, суточная ритмика организма, деятельность памяти, темп индивидуального развития, непрерывная самоидентификация.

Эти реальные временные параметры на уровне биопсихического осознаются и преобразуются под влиянием социокультурных факторов. Психологическое время свободно от жестких циклов и векторности: в обстановке сна, фантазии, галлюцинаций и искусства время может останавливаться и возвращаться, оно подчиняется нашему глубинному желанию. Инверсия психологического времени способствует возможности взглянуть на жизнь из любой временной точки, даже момента, выходящего за границы собственной жизни.

Овладение поведением в жизненном пути осуществляется поэтому в системе психологического времени, не тождественного с обычной хронологией. Недаром говорят о четырех типах возраста — хронологическом, биологическом, психологическом и социальном. Личностное время сопряжено с социально-историческим, обеспечивает выход из временной структуры субъекта в ритмы культуры и общества.

Обратное воздействие на личностную структуру времени можно интерпретировать как ее культурную структуризацию, включающую организацию хозяйства, социальные процессы отношения, язык и мышление, стиль жизни и поведение, конкретное знание о времени, грамматические формы времени в языке. Этот уровень выделяется на уровне личности, связанном с отражением жизненного пути, процессами окультуривания индивида, развития системы Я.

Личностное время оказывается столь же социальным, сколь социальное время — личностным, поскольку история не фон, на котором разворачивается существование человека, а наиболее фундаментальное условие и способ обретения и реализации его сущности. Наличие разных систем отсчета времени человека имеет глубокую основу во взаимодействии микро- и макросоциума, единичного опыта с опытом охватывающей его мегасистемы.

По мере развития систем информации все более разрастается общий план существования объекта, раздвигающий границы его индивидуального времени, делающий его реально сопричастным прошлому и будущему более широкой системы. Вместе с тем существует и третий уровень времени человека, это личностно-экзистенциальная форма времени, выражающая уровень осознания временных рядов и ритмов собственного

существования, жизненного пути и самосознания личности, время осуществления, самореализации личности, фундаментальных целей ее жизни, но не календарная хронология.

В этой форме времени происходит переживание уникальности и самоценности человеческого существования в сопряженности с проблемой его конечности, жизненной позиции в контексте сопричастности к сверхличному, приобщения к трансиндивидуальному. Этот уровень есть форма реализации человеком его собственной сущности, овладения культурой: здесь встречаются культура времени и время культуры, на основе знания времени культуры формируется культура времени.

Временной параметр самосознания социального субъекта возможно обозначить как *темпоральность*, хотя в каждый момент времени экзистенциальная его форма представлена сознанию превентивно, атемпорально. Лишь духовная социокультурная деятельность выражает неповторимую специфику наполнения времени существования человека. Статус времени как формы существования человека подчеркивает важность усиленной концентрации внимания вокруг аксиологической рефлексии времени.

В процессах дезорганизации психики человека выявлено ослабление или исчезновение его собственного времени. Доказано, что формирование чувственных образов, адекватных объекту, возможно лишь при сохранении присущего человеку индивидуального времени. Отсюда возможность психической инверсии времени: сознание больного смещено в сторону прошлого, настоящее ослаблено, исчезает вместе с будущим. Вместе с тем тезис об истощении будущего для любого индивида не был бы, с нашей точки зрения, таким жестко детерминированным, если бы его возможность была связана с абсолютной изоляцией субъективного времени, экзистенциальной формой времени от культуры.

Когда же человек переносит главный акцент на время культуры, глобальные проблемы общества и общечеловеческие ценности, то и собственное свое время он оценивает более масштабно, с широких позиций. Опосредованное, многостороннее отражение времени осуществляется общественным субъектом по-разному в различные эпохи, но всегда систему временных параметров природы, истории культуры и собственной жизнедеятельности человек постигает в процессе деятельности. И если есть возраст человеческих дел, то есть и возраст человеческих представлений, идей, духовных форм.

В известном смысле человек становится субъектом и пространства, и времени. Это обстоятельство реализуется в стремлении человека к большей свободе действия, оперативности, интенсификации жизни. Он стремится овладеть временем, оптимально его организовать, перейти к управлению, к новому жизненному стилю. Одновременно этот переход человек стремится осуществить максимально безболезненно, без стрессов, ему необходимы знания различных форм времени и умение сочетать ритмы различных уровней.

Известно, что несоответствие производственных и биологических ритмов ведет к психологическим стрессовым ситуациям. По А. Битову, время отца - время человеческое и время историческое, когда категории времени пересекаются в рассказе, скажем, с понятием денег - перестроечные годы вдруг предоставили отцу и его друзьям за два дня зарабатывать на камнях сумму (и возможности), равные чуть ли не их двадцатилетней зарплате. Время отвалило, как мезозой, оставив герою возможность сосредоточиться на мертвом, заросшем редкой травой пейзаже карьеров. И отец не в состоянии соединить себя с самим собой десятилетней давности.

Время сына, в котором в свои семь лет он прекрасно ориентируется в мире, разбирается, скажем, в автомобилях, палеонтологии, но никогда не слышал слова буржуины. Глядя на мальчика, отец испытывает болезненное стеснение любви к нему и одновременно - жуть. Мальчик - это его продолжение, но, одновременно, мальчик - это уже тот мир, который вытесняет время отца, и потому течение времени в этом мире отсчитывается по-другому. Мир (время) мальчика огромен, и пружина его только-только начинает раскручиваться.

Сложное переживание отца связано с его ощущением стремительного иссякания собственной жизни. Вся жизнь отец провел в ожидании себя, момента, когда все нажитое, пережитое, выстраданное, наконец-то воплотится в новое качество жизни. И вот оно воплотилось, уже не в нем и не в его жизни, а в следующей, едва ли не чужой человек выходит на свет готовым, с другой свободой, насквозь проросший новыми привязанностями.

Оценка времени личностью классифицируется по четырем типам; пассивно-ситуативная (сиюминутность и безынициативность, стихийность); активно-ситуативная (нет пролонгированной регуляции ответственности); пассивная регуляция (понимание пролонгированных тенденций, но созерцательное отношение ко времени жизни), активно-созидательная (преобразующий тип регуляции времени жизни, длительная жизненная перспектива, четкая жизненная концепция, сознательная творческая регуляция). Социальное время связано с типом социального поведения, жизненной позицией, продвижением времени по иерархии ценностей бытия: наиболее ценным оказывается мир человека, а не мир вещей.

В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценение человеческого мира, между тем лишь деятельность созидания, направленная на обеспечение будущего, осуществляет наполнение времени человека подлинными ценностями, обеспечивая радость существования. Осознание этого феномена становится основой формирования культуры личности, несводимой к ее начитанности, эрудиции, внешним формам поведения и даже культуре общения и трудовой деятельности. В структуре ценностной ориентации личности находит актуальное и действенно-практическое проявление потребности в смысле жизни и темпоральной идентификации.

В XX веке ярче выявляется связь между человеческой деятельностью и временем, культуру социального времени справедливо связывают с пониманием его жизненной ценности, разумного использования, заботой о сбережении и соблюдении пропорций, устремленностью в будущее. Так формируется особый общественный личностный феномен — прогностическая устремленность во времени, которая предполагает как бы выбор сценария действия, что означает переход к управлению объективными процессами и собственной деятельностью. Непредвиденная стихия интересов приводит к тяжелым последствиям для системы планирования и в свою очередь порождает администрирование, желание игнорировать эти интересы. Низкая культура управления, производства и быта тесно увязана с низкой культурой времени, с неумением предвидеть, изменять окружение и изменяться самому.

Время глубоко вплетено в ткань человеческого сознания, границы жизни неосознанно включены в жизненные планы человека, а его жизненная позиция функционирует уже как некий результат найденного решения о смысле жизни и оценки времени. Результат такой оценки эмоционально переживается как оптимистический или пессимистический прогноз, что непосредственно детерминирует активность человека. Причем зачастую более близкий по времени прогноз сильнее ранит человека, особенно при его негативных компонентах.

Так, молодой специалист теряет стимул к творческой работе при отсутствии ближайшей перспективы в повышении зарплаты, интересного досуга. Другая традиционная оценка времени связана с рамками жизни и смерти. Обыденное сознание и метафизический стиль мышления рассматривают смерть индивида как чистую негативность, пустое абсолютное небытие, тогда как с точки зрения социологии она, напротив, активизирует жизненную позицию человека, побуждает его к созданию подлинных ценностей, предохраняет от пустого растрачивания времени. Уместно привести аналогию о мобилизации резервных сил организма, когда становится известно о нависшей угрозе в результате болезни.

Власть человека над временем далеко не иллюзорна, как это иной раз представляется. Когда речь идет о времени личности, то человек осваивает его при условии осознания его ценности, используя на свое собственное и общественное благо. При осознании необходимой сопряженности этой формы с общественно-историческим временем как временем рода появляется свобода овладения и этой формой времени. Субъект культуры определяет себя как потенцию либо волевою определенность, воплощение либо крушение цели.

Вместе с тем власть и освоение времени может осуществляться и человеком-индивидом и человеком как родом. В последнем случае реализация истории происходит благодаря объективному инвариантному содержанию социального времени и осуществляет давление, детерминирует субъективную наполненность времени человека, хотя сам этот инвариант оказывается выше ограниченного и относительного человеческого, индивидуального времени. Если речь идет о власти

общества над временем, то это есть проникновение относительно априорного социума во временную организацию жизни отдельного человека. Кроме того, это проблема государственной важности: распределение, экономия и освобождение времени, умение с ним обращаться.

Отличие временности сознания животного от темпоральности сознания и практики человека обусловлены языком, свободой обладания социальным и природным миром, а значит и временем жизни. Способность к смещенному в отношении пространственно-временных координат коммуницирующего животного употреблению сообщений является весьма ограниченной. Ключевой характеристикой возраста Л.С. Выготский считал социальную ситуацию развития, отражающую место в системе общественных отношений, а также новообразования в сфере сознания и личности. Процесс перехода от одной возрастной ступени к другой предполагает глубокое преобразование структурных компонентов возраста и может сопровождаться конфликтами и противоречиями (возрастными кризисами).

Каждый возраст характеризуется специфическими жизненными задачами, от своевременного решения которых зависит успешность перехода на следующий возрастной этап и личностное развитие в целом. Кризис характеризуется непредсказуемостью поведения, господством негативного характера развития, преобладанием разрушительной работы над созидательной. В противоречии между максимальным желанием и минимальными возможностями общения заложена основа развития ребенка.

Далее происходит становление ходьбы, появление речи и первых актов протеста. В период раннего детства ребенок учится ролевым образам, высказывает первые суждения, не только воспринимает, но и осмысливает мир. С возникновением сознания Я как субъекта деятельности, возникает фаза кризиса трех лет. Для нее характерны негативизм, упрямство, строптивость, своеволие, состояние войны с окружающими, обесценивание, деспотизм. В дошкольном возрасте происходит обострение ревности по отношению к младшим, изменяется отношение ребенка к окружающему миру и себе самому. К семи годам происходит осознание половой принадлежности ребенком, развивается логическое мышление, ребенок утрачивает непосредственность, его поведение часто не мотивировано.

Пространственно-временная организация человеческого общества в конечном счете требует нового интеллектуального качества составляющих его членов. Эволюционно настроенные антропологи склонны связывать возрастание объема головного мозга с появлением орудий. Но основной прирост размеров мозга относится к его передним долям, которые представляют собой в основном области, занятые установлением ассоциаций, а не области, которые используются при сложной сенсомоторной координации, требуемой для изготовления орудий. Как указывает Дж.Х.Крук, лучшие умы у Homo creatus не занимались ни

каменными работами, ни пиротехникой. Большинство из них, скорее всего, работали над тем, что не оставило следа, - над социологией.

Биогенетическая открытость программ поведения позволила ввести социокультурные датчики в социальную структуру и процесс коммуникации. В этих условиях возникла необходимость в кодификации этических систем, регулирующих и узаконивающих одни формы социального взаимодействия и исключаящие другие. Такая кодификация возможна только на основе символических систем, главной из которых является язык, и которые выступают чем-то внешним по отношению к обычной среде обитания. Причем, сложившиеся системы интеракций становятся удобной формой хранения технологического и любого другого рода опыта, который обладает кумулятивным значением для последующего развития.

В основе этого процесса лежит эволюция социальной темпоральности, а язык играет определяющую роль, связывает события в единую сеть логических отношений, управляемую грамматикой и метафорой. Структуры конверсации, как локально производимые, ситуационно обусловленные структуры речевого поведения, наполнены очевидно-незамечаемыми смыслами и индексирующими выражениями, которые контекстуальным образом способны передать темпоральное значение сообщения. На это указывают особенности языков ряда народов и племен. Согласно гипотезе лингвистической относительности Б. Уорфа в индейских языках нет понятия времени, подобного нашему, эти языки не содержат ориентированности во времени. Наше понятие продолжительности времени рассматривается там не как фактическая продолжительность или протяженность, а как отношение между двумя событиями, одно из которых произошло раньше другого. Вместо нашей лингвистически осмысленной объективизации той области сознания, которую мы называем время, язык хопи не дал никакого способа, содержащего идею *становится позднее*, являющуюся сущностью понятия времени.

Спонтанные движения речевого аппарата принимают активное участие в построении модели временного раздражителя, особенно при восприятии большого временного интервала. Конструктивные возможности языка ограничивают или дают простор для развития мышления и социальной практики, язык приобретает достаточно мощную конструкцию для развития темпоральной структуры. Речевой дискурс начинает больше влиять на социальный порядок, определяя возможности его расширения в пространстве и времени.

Кроме того, лингвистическая конструкция прошедшее/настоящее обладает возможностью образовывать формы будущего времени, хотя это длительный процесс и форма будущего времени является позднейшим завоеванием языка. Именно это демонстрируют нам ранние социокультурные модели времени. В полной мере модус будущего времени является позднейшим приобретением языка, но он играет ключевую роль в формировании динамичного и развивающегося общества.

Будущее как форма бытия человека приобрело по-настоящему глобальное значение лишь недавно, с начала 19-го и по-настоящему в 20-м веке, но открывшиеся возможности были заранее обеспечены языковой темпоральностью. С появлением в речи модуса будущего возникла возможность планирования и прогнозирования. Намерение может быть сформулировано вне ситуации и обращено в будущее или прошлое. Человек, оперируя в пространстве языковой темпоральности, получает определенную власть над временем.

Инверсия времени

Инверсия времени не только возможна, но и реально существует. Человек обладает возможностью взаимопревращения модусов времени, благодаря наличию у него особых механизмов временной инверсии - взглянуть на жизнь с любой временной позиции, хронологического момента, порой даже с точки зрения момента, выходящего за границы собственной жизни. Такая инверсия предполагает возможность отделения личного временного центра от момента настоящего и перенос его в любой иной момент прошлого или будущего. Аналогичные операции возможны и с другими типами темпоральности социальной или исторической природы. Такие возможности предоставлены человеку благодаря конструкции темпоральности языка, выражающей природу социального взаимодействия.

Эта операция совершается не со временем объективных движений, а с моментами идеального времени: математической координатой, временем перцепций, гносеологическим образом времени. Абстрактное мышление даёт возможность человеку отвлечься от непосредственной связи с изучаемым объектом. Восхождение от конкретного к абстрактному элиминирует тот субъективный момент, который привносит познающий субъект в познаваемый объект, даёт возможность выделить общезначимое, не зависящее от субъекта. Поэтому задача состоит не только в учёте факта элиминации субъективного при выделении общезначимого, но и в выяснении меры, в которой происходит выделение общезначимого, применительно ко времени – длительности, с одновременным вытеснением другого общезначимого: направленность, необратимость. Таковы предварительные логические предпосылки образования понятия обращённого времени.

По поводу объективно-реальной инверсии времени, понимаемой как действительное обращение времени социальных процессов по-видимому важно, прилагая Т-инверсию не к реальному движению материальных процессов (от чего время в подобном представлении растекается в противоположных направлениях), а к познанию. Время в сознании субъекта становится отражённым, идеальным временем. Будучи субъективным по принадлежности к субъекту, оно имеет свою специфику по сравнению с временем материального бытия, но, с другой стороны, отражая действительные стороны реальности, оно также и объективно. Переход времени на уровень логики связан с овременёнными

утверждениями, то есть утверждениями, которые выражаются посредством предложений с временной квалификацией, то есть истинностные значения таких предложений приурочены к определённым моментам или промежуткам времени.

Указанная временная квалификация, если она выражает необратимое временное направление, при создании математических записей процессов формально из движения исключается, либо любая формализация означает огрубление действительности, выхолащивание её жизненного содержания. "Начиная с Ньютона и Лейбница, кончая Лагранжем, современные математики исходят непосредственно из точки зрения суммы, то есть заменяют движение, изменение переменной величины.

Инверсия времени выступает методологическим и гносеологическим ресурсом прогностической функции времени. Абсолютно безразлично ко времени, а отношение между типами предвидения и их темпоральной квалификацией рассматривается по типу отношения между истиной и временными характеристиками. Это отношение рассматривается в работах по темпоральной логике имеющее два смысла: вневременное и временное. Форма *истинно*, употребляемая во временном смысле, может быть темпорализована, поскольку говорят *было истинным, будет истинным*.

Употребляя термин логиков и философов для вневременных истин, можно сказать об интенсивном предсказании, что оно семантически избыточно. Это значит, что предсказание качественно нового объекта остаётся истинным для любой ориентации этого объекта в пространственно-временном континууме. Логическая функция понятия инверсии времени служит исключению темпорализации предсказательного суждения, тогда как гносеологическая функция инвариантности времени характеризует её значение в организации рамы, посредством которой субъект распределяет элементы теоретического объекта.

Атемпоральность гносеологическая, элиминирующая время в познании, должна быть отличающейся от элиминации социального времени путем отрицания становления, которое по Шпенглеру может быть только переживаемо и прочувствовано путем глубокого бессловесного понимания. Грюнбаум правомерно отождествляет становление с фактом его осознания. Отчасти сюда подходят и концепции Мак-Таггарта, Гюйо.

Инверсия времени как процедура познания безразлична к направлению времени, то есть элиминирует время, хотя эта атемпоральность может быть интерпретирована и как социализированное время. Передача направленности объективного времени дополняется художественной инверсией. Сознательно нарушенная последовательность в изложении служит целям автора, способствует созданию особого времени, переживаемого героем, время словно теряет необратимость течения. Пересечение временных планов усиливает впечатление быстротечности времени и его интенсивной наполнённости, инверсия времени даёт возможность вывести настоящее из прошлого и предугадать будущее. Художественная инверсия времени становится одним из средств художественной выразительности.

Краткое содержание раздела

Одним из условий успешного развития социально-экономических и гуманитарных наук выступает освоение проблематики социального пространства и времени. Можно констатировать не только увеличение числа публикаций в области социологии, историко-научных, методологических и этико-эстетических разделов знания, но и усиление массового интереса к идеям пространства и времени, показателем которого служит необычайная популярность данных сюжетов.

Обнаруживают связь концепций времени с культурно-исторической эпохой, типом деятельности и образом жизни, хотя вначале господствовали позитивистские, сциентистские и откровенно физикалистские ориентации. Негативным явлением был также факт отставания советских учебных программ от теоретического развития концепций пространства и времени.

Категории пространства и времени погружены в способ повседневной деятельности, живую ткань развивающейся культуры, которая есть выражение человеческого единства с природой и обществом, развития творческих сил и способности личности. Многообразие форм времени стало возможным в преодолении мифомышления, в культурно обусловленной рефлексии античности. Переход к обществу с преобладанием вещных отношений, становление монетной формы денег, торгового капитала, бурное развитие городов привело к тому, что частные выражения идей пространства и времени оказались отражением общего способа философствования и жизненного стиля, характерного для античного типа культуры.

Повседневный опыт и стиль средневековой жизни давали обоснование идеи последовательности бытия от сотворения мира до второго пришествия и четкого выделения модусов времени с одновременным сохранением циклического образа времени, типичного для данного образа жизни и стереотипа мышления. Вместе с тем и пространство, и время были конкретизированы не только географически, но и сословно.

Интенсификация образа жизни, динамизм обусловили эволюцию пространства и времени в ренессансной культуре, которая противостояла схоластическому знанию антропоцентризмом и переходом к гелиоцентризму, провозглашением времени фактором земного бытия, имеющим нравственный смысл и реализующим свободу воли человека. Время переходит в картину мира, власть человека, жизненный стиль, становится критерием исторической ориентации. Классический период эволюции категорий пространства и времени отдельных наук артикулировал традицию дискуссии субстанциальной и реляционной методологий, однако теория относительности внесла принципиально новое понимание времени по сравнению с прежними культурно-историческими канонами, когда концепции придерживались идеи субстанциальности, абсолютности, равномерности, абстрактности.

При долголетнем лидерстве физической теории проблема находит

междисциплинарное раскрытие на пути комплексного образа, интегрирующего анализ социологических, естественнонаучных, лингвистических и художественных представлений. Пространство и время - это отношения сосуществования и последовательности событий в границах существования, они сформированы практиками культур, имеют значение для поведения, мышления и ощущений. Их содержанием становятся социальные проблемы, решение которых зависит от понимания инструментальной роли социологии пространства и времени, социального неравенства.

Гуманитарная интерпретация пространства и времени дает возможность глобального, системного и социально-антропологического анализа процесса концептуализации этих категорий, связывающих процессы идентификации с мерой окультуривания и социализации личности. Познание природы социального времени идёт циклично: от художественного освоения времени истории к естественнонаучному темпорализму, возвращению к анализу времени в социологии и эстетическом сознании, возрождению его нравственной и аксиологической функции.

Социологическая рефлексия категорий пространства и времени не закончена, если останавливается на рефлексии научного знания. Она должна получить дальнейшее развитие в рефлексии искусства и социальной жизни. Художественное пространство и время оказываются обязательной формой, функционально необходимой для понимания социального пространства и времени.

Господство над временем — это не вербализм, а реальная регуляция, управление обществом, соотношением городского и регионального пространства, его архитектоники, рабочего и свободного времени, наполнение его достойной деятельностью и культурными ценностями. Культурно-историческая концептуализация идеи времени наглядно характеризует специфическую для социальных пространственных и временных моделей прошлого зависимость уровня научности модельной реконструкции не только от развития объекта познания, но и от развития социального субъекта — его культурно-исторического места, научной осведомленности, социального статуса, установок.

Современная тюрьма является примером организации на пересечении изменяющихся факторов социума — пространства, времени и труда, но это продукт особой исторической конфигурации, включающий производство всех элементов, разделение пространства и времени, формирование рынка труда, который включает новые формы свободы и несвободы. Пространство, время и труд становятся центральными организующими принципами тюрьмы и внутренней частью ее регулирующих механизмов. Факторы архитектурной конструкции, организация времени и попытки внедрить производительный труд находились в постоянном конфликте, каждый фактор накладывал ограничения на реализацию другого.

Человек обладает возможностью взаимопревращения модусов времени, благодаря наличию у него особых механизмов временной инверсии - взглянуть на жизнь с любой временной позиции, хронологического момента, порой даже с точки зрения момента, выходящего за границы собственной жизни. Эта инверсия предполагает перенос личного временного центра от момента настоящего в любой момент прошлого или будущего. Аналогичные операции возможны с другими формами времени. Такие возможности предоставлены человеку благодаря конструкции темпоральности, выражающей природу социального взаимодействия.

Не социум существует в пространстве и времени, а пространственно-временное бытие есть форма существования социума. Социальное пространство и время не просто условия связанности, непрерывности, организованности социального процесса; это формы движения человеческого бытия в виде определенной координации людей, их действий и предметных условий, средств и результатов жизненных процессов.

Основные понятия

Атемпоральность
Время
Городская сегрегация
Жизненное пространство
Инверсия времени
Научная картина мира
Пространство
Реляционный (релятивистский, релятивный)
Социальная дистанция
Социальная мобильность
Социальное время
Структуралистская традиция
Сциентизм
Первобытный презентизм
Пространство полиса
Предсказание
Специальный, специализация
Стрела времени
Темпоральный, темпорализм
Физикализм
Хронотоп

Контрольные вопросы

Время и пространство как универсальные категории культуры
Античные и древневосточные идеи пространства и времени
Семантика понятий первобытный презентизм и пространство мифа

Аристотель и Августин о времени
Принцип возраста в эволюции культур
Теория М.Мид о культурах взаимодействия поколений
Пространство и время в классической научной картине мира
Неклассические парадигмы пространства и времени
Социализация категорий пространства и времени
Специализация времени
Социальный хронотоп. Глобальное и региональное
Функции пространства в эволюции культуры
Релятивный, реляционный, релятивистский
Типология предвидения в темпоральном аспекте
Концепции социального пространства П.Сорокина и П.Бурдьё

Основная литература 1.1

1. Бурдьё П. Начала. М., 1994
2. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1997
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994
4. Липс Ю. Происхождение вещей. М. 1954.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М, 1986.
6. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., Политиздат, 1992
7. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России // под. ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Москва: ИНИОН РАН, 2002.
8. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995, № 1
9. Яковлев Л.С. Инвайроментальные механизмы социализации: структуризация жизненных пространств / Под ред.В.Н.Ярской.- Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997
10. Ярская В.Н. Время в эволюции культуры. Саратов. Изд. Саратовского университета, 1083
11. Ярская В.Н. Гуманистическая интерпретация времени в преемственности человечества // Время и преемственность в развитии культуры.- Саратов: Изд-во СГУ, 1991
12. Ярская В.Н. Развитие понятия времени // Вопросы философии. 1980. №3.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. Политиздат. 1993
14. The Sociology of Time. Edited by John Hassard. University of Keele. MACMILLAN. 1990.

Основная литература 1.2

1. Бурдьё П. Начала. М., 1994
2. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1997
3. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.,

- Политиздат, 1992
4. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России // под. ред. Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р. Москва: ИНИОН РАН, 2002.
  5. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995, № 1
  6. Филиппов. Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россияб трансформирующееся общество. Под ред проф. В.А.Ядова. Ин-т социологии РАН. М. 2002. С. 45-63
  7. Яковлев Л.С. Инвайроментальные механизмы социализации: структуриация жизненных пространств / Под ред.В.Н.Ярской.- Саратов: Изд-во СГУ7, 1997
  8. Ярская В.Н. Социальная семантика этноса // Современные проблемы этничности. Саратов: СГТУ, 2001. С. 8-14.
  9. Ярская В.Н. Современный социальный хронотоп // Проблемы образования и воспитания в полиэтничном обществе. СГУ, Саратов, 2002. С. 13-23.
  10. The Sociology of Time. Edited by John Hassard. University of Keele. MACMILLAN. 1990.
  11. Italy: too little time and space for childhood / by Ray Lorenzo; UNICEF. 1992
  12. Matthews R. Doing Time/ An Introduction to the Sociology of Imprisonment. Middlesex University. Enfield, 1999